

лодѣло даже въ сердцѣ, онъ выбросилъ новый слой навѣрхъ, облокотился на заступъ и вздохнулъ глубоко. Въ это время взоръ Прокопа случайно упалъ на комокъ вновь выброшенной земли; лицо гончара повеселѣло, онъ схватилъ эту землю, потеръ ее въ рукѣ, отвѣдалъ.

— О, вы навѣрно прежде знали объ этой глинѣ,—сказалъ онъ.—Да такой глины нѣтъ здѣсь нигдѣ въ окрестности до самаго Владимірца. Какой-же вы плуть, старина!—воскликнулъ онъ, бросая трубку.

Ермола онѣмѣлъ отъ радости, но ему необходимо было притвориться, что онъ дѣйствительно зналъ мѣстонахождение глины тамъ, куда привело его одно благое Провидѣніе. Старикъ улыбнулся.

— А глубоко-ли залегла? — попробуйте!—сказалъ Прокопъ.—О, будутъ у насъ горшки, да такіе, какихъ нѣтъ на сто верстъ до самаго Владимірца. Чудная глина, хоть намазывать на хлѣбъ, какъ масло.

И оба старика начали копать и разгребать землю, удостоверяясь, что драгоценный слой залегалъ на обширное пространство. Перерѣзывали его, правда, узкія жилы бѣлой, смѣшанной съ пескомъ глины, но въ самой небольшой пропорціи, а зеленоватая, чудная глина казалась неисчерпаема. Набравъ ея порядочное количество для пробы въ мѣшокъ и заливъ счастливую находку, Прокопъ сѣлъ на свою повозку и поспѣшилъ въ Малычки.

Такимъ образомъ открыта была въ Попельнѣ глина, о которой никто не зналъ прежде, и первый попелянскій гончаръ, по отъѣздѣ Прокопа, сталъ на колѣни передъ образомъ помылиться Богу.

— Будетъ хлѣбъ у ребенка,—сказалъ онъ, не владѣя собою отъ радости,—Благодарю Тебя, Господи, что не отвергъ моей молитвы. Будетъ кусокъ хлѣба у ребенка!

У.

По отысканіи глины—важномъ событіи въ жизни Ермолы,—послѣдній не зналъ уже неудачи, хотя людямъ и не вѣри-

лось, чтобы дряхлый почти старикъ могъ успѣть въ ремеслѣ, совершенно ему незнакомомъ. Но въ человѣкѣ воля всемогуща: если только направляетъ ее сильное чувство, то для нея нѣтъ невозможнаго.

Въ Малычкахъ, какъ нарочно, готова была уже печь для обжиганія, и Прокопъ, тотчасъ-же слѣпивъ изъ новой глины пару горшковъ, отмѣтилъ ихъ и помѣстилъ между своими. Когда же настала пора вынуть ихъ, то они оказались такими бѣлыми, звонкими, легкими и такъ не похожи на горшки изъ Малычковой глины, что и Прокопъ и, всѣ присутствовавшіе пришли въ изумленіе.

Ни одинъ изъ горшковъ, при обжиганіи, не далъ ни малѣйшей трещины, и когда привезли ихъ въ Попельню къ казачихъ, сошлось большое общество подивиться туземному произведенію, а Ермола цѣловалъ горшки и плакалъ отъ радости.

Легко и скоро заключено было условіе съ Прокопомъ о поставкѣ печи и объ устройствѣ гончарныхъ принадлежностей; оставалось только окончить съ экономомъ Гуднымъ, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе копать глину и поставить печь въ огородѣ. Къ счастью, экономша предвидѣла въ этомъ выгоду, и когда ей подарили одинъ изъ горшковъ, сдѣланныхъ на пробу, то и панъ Гудный не сталъ сильно противиться. Не желая, однако-же, сдѣлать исключенія отъ принятого обычая, экономъ далъ понять, что Ермола будетъ обязанъ вносить ежегодно извѣстную сумму. Между тѣмъ, новый гончаръ, не сдѣлавшись еще ремесленникомъ, долженъ былъ сдѣлать такіе расходы, на которые не хватило у нихъ средствъ: Прокопъ требовалъ денегъ за трудъ, а кирпичъ, другія принадлежности и земляныя работы вызывали на значительныя издержки. Хата оказалась тѣсною, слѣдовательно, надобно было починить и приладить рядомъ другую; времени поистратилось много, а запасныя деньги, сколько ихъ было, издержались на первоначальныя нужды ребенка.

Итакъ, прежде полученія барышей, необходимо было Ермолѣ задолжать по уши. Конечно старику нѣсколько разъ являлась мысль воспользоваться золотомъ Родіонка, но Ермола вздрагивалъ при одной этой мысли. Притомъ-же, онъ боялся и не безъ основанія, чтобы появленіе въ его рукахъ червонца

не возбудило какого-нибудь непріятнаго подозрѣнія и не навлекло преслѣдованія.

Оставалась одна казачиха, которая изъ любви къ Ермолѣ и его пріемышу, постоянно, хоть и почесываясь въ головѣ, развязывала свои узелки и помогала старинному знакомому. Но чѣмъ болѣе выростала занятая сумма, тѣмъ сильнѣе боялась казачиха,—не рушилась бы гончарная затѣя, и упрекала себя, что сама же подговаривала Ермолу начать дѣло.

Ротмистръ, призвавъ Прокопа, строго приказалъ ему заботиться обученіемъ Ермола, и гончарь, видя въ этомъ собственную выгоду, тотчасъ-же приступилъ къ работѣ.

За двадцать злотыхъ (3 р.) Гудный разрѣшилъ добываніе глины и устройство печи. При помощи двухъ наемныхъ работниковъ, черезъ нѣсколько недѣль начата и прилажена была другая хата; печь готова, и Ермола уже мѣсилъ, лѣпилъ, точилъ, приготовляясь обжигать первый выпускъ попелянскихъ горшковъ, волнуемый то страхомъ, то надеждой. Самъ Прокопъ наблюдалъ за огнемъ: и когда, послѣ извѣстнаго времени, начали выбирать горшки изъ печи, они удались такъ хорошо, что даже въ бракъ пошло ихъ весьма немного. Разставленные потомъ, на полкахъ въ новой хатѣ, они производили эффектъ своимъ изяществомъ, были красивы, звонки и обѣщали прочность попелянскимъ хозяйкамъ. Испытаніе кухни и другого огня выдержали они торжественно, а такъ какъ всякая новинка оплачивается и въ деревнѣ, то чрезъ нѣсколько дней въ складѣ не оставалось ни одного горшка, ни одной миски. Конечно, выручка не могла вполне удовлетворить кредиторовъ, но и казачиха получила часть въ уплату, и Ермолѣ осталось кое-что наличными деньгами, и Прокопу достался условленный пай, а главное—будущность представлялась уже въ самомъ пріятномъ свѣтѣ.

Во все время этихъ работъ Ермола не спускалъ, однако же, глазъ, по возможности, съ маленькаго Родіона. Дитя тоже съ каждымъ днемъ росло, умнѣло, начало меньше требовать ухаживанья и обѣщало выйдти отличнымъ мальчикомъ. Ермола оставлялъ его только въ самое трудное время у Горпины, которая всегда была рада этому гостю, но ни одну ночь не до-

пускалъ проводить подъ чужой кровлей, потому что старику было грустно такъ долго оставаться безъ ребенка.

Къ счастью, старикъ прошелъ уже трудные приемы. Ермола убѣдился въ справедливости пословицы: «не боги же вѣдь горшки обжигали» и, какъ понятливый ученикъ, живо схватилъ первыя основанія своего ремесла, потому что лѣпка горшковъ, точеніе ихъ и приготовленіе глины было гораздо легче, нежели снаровка разставить въ печкѣ горшки и обжечь, какъ слѣдуетъ. Здѣсь составляли важный вопросъ: поддержаніе умѣренного огня, наблюденіе за нимъ, умѣнье погасить его во-время, чтобы посуда не вышла ни сырою, не пережженною, однимъ словомъ, требовались — ловкость и опытность и нѣкоторыя свѣдѣнія.

Прокопъ, изъ желанія оставаться всегда необходимымъ Ермолѣ, никогда вполнѣ не высказывалъ тайнъ своего искусства: Ермола долженъ былъ самъ добиваться истины, но сила воли и здѣсь облегчала ему трудъ, сосредоточивая на одномъ этомъ предметѣ всѣ его умственные способности.

Такъ прошла зима, а слѣдующею весною разлилась Горынь; когда снова началось по рѣкѣ судоходство, Ермола уже сдѣлался настоящимъ гончаромъ и весь свой запасъ посуды распродалъ множеству рабочихъ на пристани. Экономша даже разгнѣвалась нѣсколько, потому что Ермола принужденъ былъ продать и собственный свой запасъ посуды.

Между тѣмъ, маленькій Родіонъ росъ и развивался, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Произносилъ уже онъ дорогое для Ермолы имя отца, которое вызывало у старика радостныя слезы, пытался подыматься на ноги и могъ уже обходиться безъ козы, умѣя управиться уже съ кускомъ хлѣба, а коза только служила ему игрушкой. У бородатой кормилицы родился козленокъ, съ которымъ дитя играло иногда до такой степени забавно, что старикъ, глядя на нихъ, схватывался за бока отъ смѣха.

Въ эту грустную, годъ назадъ еще одинокую, полуразрушенную хатку подкидышь внесъ съ собою жизнь, радость и надежду. Самого Ермолу трудно было узнать, — такъ онъ помолодѣлъ и сдѣлался такимъ подвижнымъ и дѣятельнымъ. Починили и покрыли часть корчмы, которую занималъ онъ,

возстановили рядомъ другую горницу, огородъ, гдѣ уже стояла печь, обнесли тыномъ и передѣляли ворота: замѣтенъ уже былъ зародышъ нѣкотораго довольства. Въ семействѣ прибавился также десятилѣтній сирота мальчикъ, по прозванью Гулигъ, котораго Ермола принялъ себѣ въ помощь за небольшое вознагражденіе. Недоставало лишь въ хатѣ женщины, но старая казачиха исполняла обязанность хозяйки: пекла хлѣбъ, шила и стирала бѣлье, варила, по большей части, пищу и приготавливала на зиму разные хозяйственные запасы.

Каждый разъ, когда Ермола начиналъ хвалиться своимъ ремесломъ, казачиха постоянно напоминала ему гибель любимаго ея горшка, который послужилъ поводомъ гончарнаго заведенія, и трудно счесть, сколько разъ она описывала это событіе. И ей самой Богъ послалъ счастье, котораго она такъ пламенно желала: ея Горпина вышла, наконецъ, замужъ. Писарь, который издавна уже ѣздилъ къ дѣвушкамъ, ухаживалъ, увивался и окончилъ женитьбой. Вдовѣ это, повидимому, и не вполне было по сердцу, и, хотя дочь ея шла за однодворца и, казалось, дѣлала завидную партію, однако старуха предпочла бы крестьянина, который и остался бы у ней жить и хозяйничать. Зятю же объ этомъ и говорить было нечего; заняться хлѣбопашествомъ онъ и не думалъ, а хлопоталъ получить гдѣ-нибудь мѣсто эконома.

Такимъ образомъ, казачиха, отдавъ дочь, оставалась одна одишеченька въ Попельнѣ, владѣя пожизненно своею усадьбою. Послѣ свадьбы, съ отъѣздомъ дочери, вдова до того загрустила въ своей хатѣ, гдѣ каждый уголокъ напоминалъ ей любимицу, что она на цѣлый день ушла къ Ермолѣ. Съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы она не посѣщала старика, имѣя возможность наговориться съ нимъ о Горпинѣ, о своемъ сиротствѣ, да и Родіонъ занималъ уже не послѣднее мѣсто въ ея сердцѣ.

VI.

Лѣтъ черезъ десять слишкомъ взглянемъ теперь снова на тѣхъ, кого оставили дѣтьми и стариками, трудившимися съ надеждой на будущее.

Многое, конечно, измѣнилось, но прежде всего никто не узналъ бы Родіона, — такъ онъ выросъ и развился не по лѣтамъ.

Деревенскій людъ, дѣти котораго, придавленные трудомъ, растутъ медленно, смотрѣлъ съ удивленіемъ на подкидыша, разсуждая между собою, что въ немъ текла особенная счастливая кровь, способствовавшая и такому быстрому росту, и такому раннему развитію. Дѣйствительно, его нельзя было равнять съ уличными ровесниками, но за то же ни у одного изъ послѣднихъ не было отца, подобнаго Ермолѣ, и никто изъ нихъ не росъ на отцовскихъ колѣнахъ. Нельзя было среди толпы не обратить вниманія на его овальное, съ правильными чертами личико, на черные, полные жизни глазки, на прямой носъ и маленькій ротикъ съ немного выдавшимися губами, что придавало ему особое выраженіе — не то частицу гордости, не то сознаніе силы. Особенный характеръ придавали этой фізіономіи подобртая голова — полѣсскій обычай, отчего дѣйствительно увеличивается лобъ и лицо становится благороднѣе: начиная съ макушки, длинные золотистые волосы спускались на затылокъ прихотливыми кудрями. Судя по крѣпкому тѣлосложенію мальчика, нельзя было сказать, что не питался онъ материнскимъ молокомъ и что о немъ не заботились близкіе люди. Ширина плечъ обѣщала въ немъ ростъ болѣе средняго, а простое воспитаніе и преждевременная привычка къ труду, воздуху и неудобствамъ придали ему гибкость, дѣятельность и ловкость, неизвѣстныя въ высшемъ сословіи.

Проницательный умъ отражался въ глазахъ Родіонка; взглядъ его былъ смѣлый и увѣренный, словно мальчикъ не имѣлъ понятія о борьбѣ жизни и ея тягостяхъ, или не боялся ихъ совершенно. Живой и любознательный, съ пылкими чувствами, онъ былъ обязанъ заботливому воспитателю, согрѣтому любящимъ отцовскимъ сердцемъ. Окруженный нѣжностью, теплымъ участіемъ Ермолы и видя съ дѣтства вокругъ себя лишь ласки и пріязнь, Родіонъ привыкъ къ этой любовной средѣ и усвоилъ себѣ ея элементы: онъ любилъ всѣхъ и чувствовалъ, что ему было хорошо съ этой любовью. За это вся деревня считала его своимъ воспитанникомъ, если можно такъ выразиться и за исключеніемъ эконома Гуднаго, все еще жив-

шаго въ Попельни, хотѣ и ежегодно собиравшагося взять гдѣ-нибудь аренду, который не любилъ мальчика, всѣ ласкали и подчасъ баловали послѣдняго.

Деревенскія дѣти — мальчики и дѣвочки — повиновались одному мановенію Родіонки, но онъ никогда не злоупотреблялъ своей силой, никогда не грозилъ никому, хотя во всѣхъ отношеніяхъ превосходилъ своихъ сверстниковъ. Услуживая другимъ, онъ никому не причинялъ вреда даже въ самыхъ дѣтскихъ шалостяхъ. Зато ни одинъ родной отецъ не заботился такъ о воспитаніи сына, какъ Ермола въ отношеніи Родіона. Въ первые годы кормилъ онъ тѣло, но потомъ началъ питать душу и вооружать ее силами для жизни. Инстинктъ привязанности указалъ ему путь, какому необходимо было слѣдовать.

И совершилось чудо, которое часто проходитъ въ мірѣ незамѣченнымъ: учитель образовался вмѣстѣ съ ученикомъ, воля выработала сердце, чувства, прояснила разумъ. Отыскивая добро для ребенка, Ермола нашелъ его для себя: поздніе и прекрасные плоды выросли изъ замерзшаго сѣмени.

Желая научить дитя, старикъ былъ принужденъ самъ выучиться прежде: онъ задумывался, присматривался, старался угадывать, молился, нападалъ сердцемъ на то, до чего не всегда можно дойти умомъ.

Науки было, положимъ и немного, но зато великая наука. Дитя умѣло читать и не имѣло другой книги кромѣ евангелія. Но книга эта сразу выкормила его здоровымъ словомъ жизни.

Кромѣ того, старикъ изъ боязни рано оставить дитя круглымъ сиротою, какъ только подросъ немного Родіонъ, началъ знакомить его съ ремесломъ, осваивалъ съ мельчайшими подробностями хозяйства, развязывающими человѣка и избавляющими его отъ зависимости другаго. Всѣ наши крестьяне стоятъ еще на той степени полудикихъ народовъ, которая ставитъ ихъ выше цивилизованныхъ, они могутъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ безъ чужой помощи. Человѣкъ въ этомъ быту знаетъ многое; обязанный ежедневно разнообразить свои занятія, онъ вмѣстѣ и земледѣлецъ, и столяръ, и плотникъ, и каменщикъ, и ткачъ и, въ случаѣ нужды, легко находитъ средство помочь горю.

Не то бываетъ съ народами, стоящими на степени большей

цивилизациі и сплоченными въ болѣе солидарныя общества. И нельзя сказать, что это бы составляло ихъ преимущества, потому что люди, высылаемые изъ Англіи въ новый свѣтъ, сдѣлавшись колонистами, по большей части падаютъ подъ тягостью жизни, съ которой не въ состояніи справиться. Не только въ значительныхъ городахъ, но и въ деревняхъ даже, всякая вещь покупается готовою, слѣдовательно, каждый знаетъ лишь одно ремесло, посредствомъ мѣны добывается все остальное. Правда, каждая вещь дѣлается хорошо, стоитъ дешево и посредствомъ мѣны даетъ выгоду; но можетъ ли быть слѣдствіемъ здоровой цивилизациі разъединеніе, въ которомъ человѣкъ дѣлается простымъ колесомъ машины, годнымъ лишь къ своей оси и бесполезнымъ вездѣ, куда бы вы ни переставили его на другое мѣсто? Это неразумное и неожиданное слѣдствіе излишняго раздѣленія труда, которое весьма выгодно, но доведенное до крайности, представляетъ также большую опасность. Мы, въ этомъ отношеніи, не подчинились еще предубѣжденію, которымъ начинается заболѣвать Западъ.

Подобно каждому крестьянину своего вѣка, Ермола умѣлъ многое, чему научился въ обычномъ теченіи простого быта, но не считалъ этого знаніемъ. Хорошій гончаръ по ремеслу, онъ, отчасти, былъ и рыбакомъ, научившись шутя ставить вентеры и работать острой; топоромъ владѣлъ ловко, умѣлъ обращаться и со стругомъ, зналъ какъ наладить повозку, и въ хозяйствѣ не были ему чужды многія занятія, требующія въ другихъ мѣстахъ спеціальнаго изученія.

Когда Родіонъ достигъ десятилѣтняго возраста, Ермола не очень перемѣнился: согнулся лишь нѣсколько больше, да по временамъ ноги ступали не твердо, но старикъ вмѣстѣ съ Родіономъ дѣятельно занимался гончарствомъ, хлопоталъ по хозяйству и силы свои поддерживалъ постоянной дѣятельностью. А непрерывная дѣятельность — важная тайна въ наукѣ жизни, которой, увы, не преподають съ кафедръ: много стариковъ сами себя преждевременно исключили изъ среды живыхъ въ то время, когда, не давая погаснуть огню, могли еще продолжать свое существованіе. Въ трудовой долѣ крестьянина до послѣдняго часа, до послѣдней белѣзны, время постоянно занято, и тѣло не твердѣетъ въ бездѣйствіи — его поддерживаетъ

и укрѣпляетъ постоянное движеніе. У насъ часто убиваютъ тѣло изнѣженностью и умственная немощь; неупотребляемые органы подчиняются нѣкотораго рода атрофіи, уничтожаются даже моральныя силы, осужденныя на бездѣйствіе: мы ложимся спать и уже не просыпаемся. Ермола жилъ въ трудѣ и движеніи и, не старѣя для глазъ, увядалъ постепенно.

Конечно, онъ только и занимался довольно легкой работой около горшковъ и хлопоталъ по дому, потому что въ остальномъ выручали его Гуликъ и Родіонъ, но жизнь была наполнена, и старикъ не давалъ себѣ ни минуты отдыха. На этой степени довольнаго быта и здоровья поддерживали его спокойствіе ума и сердца. Ему никогда и на мысль не приходило, чтобы кто-нибудь, когда бы то ни было, могъ отобрать у него Родіона. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже надѣялся видѣть пріемыша обеспеченнымъ, женатымъ, существующимъ собственными силами. Гончарство шло все успѣшнѣе. Передавъ свои познанія Ермолѣ, Проконъ вскорѣ умеръ; печь его, поддерживаемая подмастерьемъ, доставлявшая дрянныя издѣлія, наконецъ совершенно пришла въ упадокъ. Конечно, этого не нужно было Ермолѣ для сбыта своихъ горшковъ, которые распродавались отлично, но не мѣшало ему и то, что Малычки запасались посудой въ Попельнѣ. Издѣлія Ермола выходили такія легкія и крѣпкія и пріобрѣли такую извѣстность, что не было надобности съ ними напрашиваться, и даже рѣдко вывозили ихъ и то не далѣе мѣстечка, гдѣ ихъ тотчасъ расхватывали евреи и пріѣзжіе.

По принятому обычаю, Ермола и выдѣлывалъ только извѣстныхъ формъ и размѣровъ горшки, миски и кувшины, но когда подросъ Родіонка, живому и ловкому мальчику надоѣло это однообразіе. Сперва, обычные красныя полосы и вѣчно одни и тѣ-же бордюры онъ началъ замѣнять рисунками собственнаго изобрѣтенія, потомъ пришла ему фантазія выдѣлывать необычныхъ формъ горшечки, кружки, кувшинчики, наконецъ онъ сталъ выдѣлывать лошадки со свистками и другія дѣтскія игрушки. Все, конечно, выходило плохо, не сразу удавалось, но старикъ не противился попыткамъ пріемыша.

Когда все это было вывезено и разставлено первый разъ на базарѣ, сошлись бабы и сильно качали головами, при видѣ

новыхъ издѣлій: онѣ привыкли издавна къ знакомымъ формамъ и критиковали бесполезное нововведеніе. Но молодежи и дѣтямъ понравились забавныя и дешевыя вещицы; болѣе достаточныя хозяйки, вмѣсто бубликовъ, навезли дѣтямъ этихъ маленькихъ глиняныхъ гостинцевъ. Все было раскуплено. Ермола смѣялся и цѣловалъ въ голову Родіонка, мальчикъ хлопалъ въ ладоши и вѣшался старику на шею.

Но на томъ-же базарѣ Родіонка увидѣлъ поливыяныя миски, горшки, зеленые въ срединѣ и разныя другія издѣлія съ блестящей оболочкой, чего не знали въ мастерской Ермола, и мальчика начало беспокоить это обстоятельство.

По возвращеніи домой, Родіонка сдѣлался печаленъ.

— Ты долженъ былъ бы радоваться,—сказалъ Ермола,—тебѣ удалось, сверхъ моего ожиданія, а ты вотъ и головку повѣсилъ.

— Вотъ что, тятя, не выходитъ у меня изъ головы эта полива.

— Полива! Еще какія-нибудь затѣи! А намъ зачѣмъ полива? Горшки наши и безъ того раскупаютъ, слава Богу. На поливыянную посуду, кажется, нужна особая глина и работа другая, да и заведеніе устраивается иначе. Нечего и головы затруднять надъ этимъ.

— А развѣ не видали вы, какую цѣну бралъ гончаръ за поливыяныя миски! А какія же красивыя, какъ разрисованы! Кромѣ того и опрятнѣй и крѣпче. Люди говорятъ, что ихъ и мыть чище, потому что кушанье не входитъ въ нихъ, не всасывается. Почему бы и намъ не научиться класть поливу?

— Вотъ чего тебѣ захотѣлось!—сказалъ Ермола со вздохомъ, испугавшись переменъ въ бытѣ, которымъ былъ доволенъ.—Ты не знаешь, дитя мое, какъ это трудно. Учиться новому мнѣ уже поздно, тебѣ еще рано, а когда захочешь, то и выучишься со временемъ.

Родіонъ ничего не отвѣчалъ, скрылъ въ душѣ горячее желаніе и не забывалъ о поливѣ, но не говорилъ о ней болѣе, не желая смущать Ермолу.

Между тѣмъ, старикъ, готовый исполнить малѣйшее желаніе пріемыша, началъ подумывать о поливѣ, хотя и не обнаруживалъ своихъ замысловъ изъ боязни, въ случаѣ неудачи, не

огорчить мальчика неудавшимися надеждами. И такъ какъ у него ничего не дѣлалось безъ казачихи, то и отправился онъ къ ней вечеромъ за совѣтомъ.

Здѣсь также сдѣлались въ теченіе десяти лѣтъ большія, хоть и постепенныя перемѣны. Вдова значительно постарѣла и едва могла управлять своимъ хозяйствомъ. Горпина уже была экономшей гдѣ-то въ деревнѣ верстъ за двадцать и начала носить ситцевыя платья, чепчики и шляпки, не слишкомъ-то вспоминала о матери, желая казаться шляхтянкой. Рѣдко она пріѣзжала въ Попельню и то всегда по какой-нибудь надобности. Но старая казачиха благословляла и эти тяжелыя минуты, она готова была на денежныя жертвы, лишь бы хоть нѣсколько времени натѣшиться дочерью и внучками. Когда наступала минута разлуки, а ей никогда не оставляли внучки, казачиха ночью плакала, потомъ сидѣла нѣсколько дней, глотая слезы, у печки, но удерживалась ѣздить къ дочери, и здѣсь угождая послѣдней и не желая причинить ей стыда своимъ посѣщеніемъ. Подобное напряженное и мучительное состояніе измѣнило нѣкогда веселый характеръ казачихи; единственнымъ утѣшеніемъ оставался ей Ермола, съ которымъ могла она наговориться о Горпинѣ и пожаловаться на свою долю. Старикъ, со своей стороны, совѣтовался съ нею относительно Родіона, и безъ нея не предпринималось ничего важнаго. Когда и теперь мысль о поливѣ начала его беспокоить, онъ тотчасъ отправился къ казачихѣ, оставя мальчиковъ заниматься въ маленькомъ заводѣ.

— Ну, а что новаго привезли съ базару? — спросила вдова. — Не было ли тамъ моей Гарпины?

— Была, — отвѣчалъ старикъ, — да ее теперь узнать трудно, такая стала пани. Пріѣхала съ мужемъ на парѣ лошадей въ хорошей упряжи и въ расписной бричкѣ; остановились въ корчмѣ и покупали что-то по лавкамъ.

— А спрашивала она обо мнѣ? — сказала несмѣло старуха.

— Какъ-же, какъ-же, — подхватилъ Ермола, — велѣла кланяться, призывала меня нарочно къ себѣ и брала за подбородокъ Родіона.

— А былъ съ ней кто-нибудь изъ дѣтокъ?

— Не было ни одного.

Разспросы эти продолжались бы до бесконечности, если-бы казачиху не поразило грустное выраженіе стариннаго пріятеля.

— Здоровъ ли ты?—спросила она.— Что съ тобою?

— О, угадала кумушка; — отвѣчалъ старикъ, садясь на лавку, — новое горе.

— Ну, что-же, расскажите мнѣ, посовѣтуемся.

— Трудно. Мой мальчикъ — извѣстно молодець, горячка — завидѣлъ на базарѣ поливанную посуду и ему захотѣлось поливы, такъ что и изъ головы не выбьешь.

— А что, не говорила ли я?

— Вы говорили?

— Какъ-же! Помните, когда онъ началъ лѣпить лошадокъ и тѣ маленькіе горшечки, которые ни на что не годятся, я тогда же сказала, что со-временемъ захочется и поливы.

— Такъ и вышло, — молвилъ Ермола, — и теперь съ нимъ хлопоты; я разувѣрилъ его немного, но хотѣлось бы потѣшить мальчика, да не знаю какъ.

— Ну, надо идти посмотрѣть, какъ готовится полива.

— Охотно сдѣлалъ бы это, кумушка, да удастся ли? Слѣпить горшокъ не бѣда, а полива гораздо труднѣе, потому что въ нее, какъ я слышалъ, входятъ разныя лавочныя снадобья; надобно знать, какъ все это сварить, приладить. Глаза уже не служатъ, память отказывается. А хотѣлось бы потѣшить мальчика.

— Что-же вы думаете?

— Самъ еще не знаю. Пословица говорить: попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Надо бы попытаться.

— Я была увѣрена, — отвѣчала съ улыбкой казачиха, — что вы не въ состояніи ни въ чемъ отказать Родіону. Знаю я это очень хорошо, точь-въ-точь и я съ Горпиной: человекъ и жметя, а дѣлаетъ, что захотятъ дѣти. Пойдешь куда-нибудь, старичина, за поливой?

— Конечно, пойду, — отвѣчалъ Ермола со вздохомъ, — только мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мальчикъ не зналъ объ этомъ. Если не удастся, это будетъ огорчать его, зато-же и въ случаѣ успѣха то-то веселье!

— Совершенно какъ я, точь-въ-точь какъ и со мною,

отвѣчала казачиха. — О, Боже мой, какъ я это хорошо знаю. Но куда-же вы пойдете?

— А что жъ? Возьму немного денегъ и поплетусь къ гончарамъ, которые вывозятъ на базаръ поливанную посуду: за деньги, кажется, научатъ. Только согласились бы, а мнѣ недолго присмотрѣться. Впрочемъ, если не разберу дѣла, pošлю мальчика; онъ сразу раскусить. Боюсь только, чтобы гончары не прогнали меня. Вѣдь какъ и взяться-то? Приходить челѣвъкъ съ тѣмъ, чтобы отнять кусокъ хлѣба.

— Правда, не съ каждымъ такъ легко, какъ съ покойнымъ Прокопомъ; но надъ сиротою Богъ съ калитою, какъ-нибудь извернемся.

— И я такъ думаю, — сказалъ Ермола, вставая. — Завтра подъ какимъ-нибудь предлогомъ поплетусь въ мѣстечко, а вы, кумушка, пожалуйста, присматривайте за Родіономъ, чтобы они съ Гулюкомъ не выкинули какой-нибудь штуки: они готовы поѣхать въ дырявой лодкѣ или выдумать и что-нибудь хуже.

— Эхъ, мальчики вѣдь не избалованные!

— Слава Богу, ничего, а все же дѣти. Захочется вдругъ въ лѣсъ, на рѣку, а сохрани Богъ, можетъ что-нибудь случится.

— Да вѣдь мнѣ трудно усмотрѣть за ними.

— Они васъ слушаются.

Старики разстались, а Ермола, возвратясь домой, тотчасъ объявилъ, что ему надо въ мѣстечко, гдѣ евреи задолжали за посуду и велѣли придти за деньгами послѣ базара; что онъ и въ другія мѣста пойдетъ собирать долги и можетъ не возвратится нѣсколько дней и приказывалъ мальчикамъ заниматься работою, оставя прогулки въ лѣсъ и на рѣку.

— А вы думаете идти пѣшкомъ? — спросилъ Родіонъ.

— А что-жъ, не верхомъ же мнѣ ѣхать? — отвѣчалъ старикъ, улыбаясь.

— Вы наняли бы себѣ повозку.

— Ты развѣ не знаешь, что во всей деревнѣ у насъ нѣтъ лошадей, кромѣ Оедьковой кобылы, которой не допросишься, а чѣмъ ѣхать на волахъ, то ужъ лучше пойти пѣшкомъ. При

томъ-же, при постоянномъ сидѣньѣ отекаютъ ноги, надо ихъ поразмять немножко.

Старикъ не обращалъ вниманія на лѣта, а слабость ногъ приписывалъ постоянному сидѣнью. Жаль было ему тратить деньги, потому что съ тѣхъ поръ, какъ старику повезло, онъ откладывалъ, что могъ, для Родіонки на черный день, не желая оставить безъ запаса пріемыша. Конечно, ему пріятнѣе было бы ѣхать съ Оедькомъ, но для этого требовались издержки, а Ермола, собственно для себя, былъ очень расчетливъ.

Родіонъ не могъ уговорить Ермолу нанять подводу, но съ вечера тихонько послалъ Гулюка на развѣдки, не ѣдетъ ли кто въ мѣстечко, и нанялъ на свои деньги повозку съ тѣмъ условіемъ, чтобы Оедько не признавался въ этомъ, а взялъ старика, будто-бы по пути, отправляясь въ мѣстечко по своей надобности. Какъ нарочно, Оедько былъ свободенъ и, получивъ два злата, обѣщался обмануть стараго пріятеля. Когда возвратился Гулюкъ, Родіонко подошелъ къ Ермолѣ.

— Вотъ что, тятя, мы вышли немного побѣгать и встрѣтили Оедько: завтра онъ рано ѣдетъ на своей кобылѣ въ мѣстечко, и какъ ему одному скучно, то онъ проситъ васъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Говорилъ, что повезетъ васъ даромъ.

— Оедько? Гдѣ? Какъ?—спросилъ Ермола недовѣрчиво.— Не шутишь ли ты, плутишка?

— О, нѣтъ, вотъ Гулюкъ свидѣтель.

Родіонъ имѣлъ большое вліяніе на своего товарища, какое обыкновенно дается умственнымъ превосходствомъ въ соединеніи съ сердечною добротою.

— Совершенная правда,—отвѣчалъ Гулюкъ.—Я самъ слышалъ, какъ онъ просилъ, чтобы вы безъ него не уходили; съ разсвѣтомъ онъ подѣдетъ къ нашей хатѣ.

Ермола покачалъ головою, и довольный, что не натомитъ ногъ до мѣстечка, думалъ уже о дальнѣйшемъ путешествіи. Старикъ уснулъ съ мечтами о поливѣ.

Родіонко мечталъ о томъ-же самомъ, и хотя не отзывался чтобы не тревожить старика, однако непрерывно сновали у него въ головѣ мысли, съ какимъ удовольствіемъ выводилъ бы онъ, если бы умѣлъ, зеленые красные, бѣлые и желтые узоры. Онъ старался угадать эту тайну, но, не имѣя ника-

кихъ указаній, бѣдняжка только вздыхалъ, ворочаясь на своей постели.

VI.

На другой день раннее утро обѣщало непогоду: надъ лѣсомъ мелкіе бѣлые облачка служили предвѣстниками бурной ночи, солнце жгло и даже листъ не шелохнулся на деревьяхъ. По условію, Оедько явился съ повозкой и не измѣнилъ Родіоновой тайнѣ даже малѣйшимъ намекомъ. Зайдя въ хату, какъ бы закурить трубку и предложить Ерому вмѣстѣ ѣхать, онъ притворился весьма недовольнымъ этой поѣздкой.

— Ну что, кумъ, скоро ли вы? — спросилъ онъ, добывъ огня. — Собирайтесь-ка; вдвоемъ намъ будетъ веселѣе. Вотъ ужъ нехстати встрѣтилась мнѣ надобность побывать въ мѣстечкѣ, — зной ужасный, а въ полдень, я думаю, будетъ страхъ просто! Собирайтесь-ка поживѣе, не мѣшкайте.

Засунувъ потихоньку узелокъ съ деньгами за пазуху и закуривъ трубку, Ерому собрался въ дорогу.

— Ёдемъ, кумъ! — сказалъ онъ.

Старые пріятели, взмостившись на повозку, уѣхали на вязянку сѣна, а пѣгая кобыла, оглянувшись на своего хозяина, пошла тихимъ шагомъ вдоль по деревнѣ.

Животныя, служащія въ помощь человѣку въ быту нашего простолюдина, составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, его общество: овца, коза, корова, бычокъ, лошадь, даже гусь и курица — все это его пріятели, причиняющіе, конечно, много хлопотъ, но и стоящіе обильныхъ слезъ въ случаѣ какой-нибудь катастрофы. Простолюдинъ иногда проклиняетъ ихъ, ссорится, дерется съ ними, нерѣдко на-поевалъ, но стоитъ заболѣть или издохнуть какому-нибудь животному, — и сколько горя, сколько неутѣшнаго плача! Оедькова пѣгашка, заслуживающая, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ, принадлежала къ числу избранныхъ существъ, съ которыми хоть и тяжело въ жизни, но безъ которыхъ обойтись рѣшительно невозможно. Обладая большими

достоинствами и огромными недостатками, она составляла богатство своего хозяина, его отчаяніе и радость и играла важную роль въ его жизни. Во-первыхъ, въ Попельнѣ, какъ и вообще во всѣхъ полѣсскихъ деревняхъ, обрабатывающихъ землю волами, она была почти единственная лошадь: всѣ знали и уважали пѣгашку, рассчитывая на нее въ случаѣ спѣшныхъ посылокъ, для которыхъ непрерывно нанимали Ѳедьку. Старикъ зарабатывалъ съ нею не менѣе 600 злотыхъ (90 р.) въ годъ, — т. е. въ три раза больше, чѣмъ стоила кляча, — отправляясь въ мѣстечко съ порученіями, нанимаясь возить жидковъ и т. п. Волы таскали бревна изъ лѣсу и отбывали барщину, а самъ Ѳедько содержалъ себя единственно лошадыю. Продовольствіе пѣгашки стоило не дорого: лѣтомъ она не знала ничего, кромѣ подножнаго корма по дорогамъ, а зимой довольствовалась соломой, сѣнкой, пучкомъ сѣна и весьма изрѣдка гарнищемъ овса. Небольшого роста, весьма старая, постоянно бездѣтная, здоровая, пѣгашка обладала чрезмѣрной твердостью спины и характера. Если повозка была нагружена въ мѣру, она тащила ее постоянною рысцей, лишь бы не показывали кнута; но стоило разъ только ударить ее, она останавливалась, и никакая людская сила не могла сдвинуть ее съ мѣста. Ѳедько, впрочемъ, и носилъ кнутъ собственно какъ символъ своего занятія, и отчасти по обычаю, потому что ни одинъ крестьянинъ не выѣдетъ безъ кнута изъ дому, но не показывалъ его пѣгашкѣ; если же случалось, что, подгулявъ, стегнуть бывало неосторожно, то непременно расплачивался за это полчасовой остановкой. Пѣгашка обладала необыкновеннымъ инстинктомъ, развивавшимся долготѣнею опытностью: зная, куда ѣхалъ хозяинъ, она прямо везла его, объѣзжала лужи, останавливалась, гдѣ было нужно, съ удивительной догадливостью. Ѳедько разговаривалъ съ ней, какъ съ человѣкомъ, принимая лишь извѣстный тонъ, который кобыла тотчасъ-же относилъ къ себѣ, ссорился съ ней, хвалилъ, лѣстилъ, общалъ и такъ любилъ рассказывать о ея подвигахъ, что пѣгашка вошла по деревнѣ въ пословицу. Если кто повторялъ часто одинъ и тотъ-же рассказъ, надъ тѣмъ смѣялись и говорили: „О, о! *Ѳедькина кобыла*“.

Въ знакъ благодарности, со своей стороны, пѣгашка никого

знать не хотѣла, исключая хозяина, и чужому человѣку трудно было приступить къ ней: одинъ Оедько лишь могъ справиться съ нею. Всѣ знали ее въ деревнѣ, какъ прежде знали козу Ермолы, пока не издохла, какъ гнѣдую лошадь эконома и полосатую корову арендаторши. Она была небольшого роста, коротистая, съ толстыми, но крѣпкими, ногами, постоянно показывая на зубахъ семь лѣтъ, и имѣла обыкновеніе послѣ пути хромать на одну ногу, но потомъ эта *привычка* проходила послѣ порядочнаго движенія. Лобъ у пѣгашки былъ большой, одинъ глазъ подслѣповать, шерсть мѣстами ободрана отъ обыкновенія чесаться о плетни, хвостъ и грива повылѣзли: однимъ словомъ, взглянувъ на эту клячу, трудно было дать за нее три гроша, но рѣдкая хорошо выкормленная и на видъ красивая лошадь могла бы сравниться съ ней въ выносливости. Цѣлый день могла оставаться она безъ корма, довольствуясь только водою, потому что евреи и крестьяне поятъ лошадей разъ по шести въ день, увѣренные, что водою замѣняютъ овесъ, на который они очень скупы. Голодъ былъ для нея дѣломъ самымъ обыкновеннымъ: на ночь удовлетворялась она клочкомъ сѣна или соломы, была неразборчива въ пищѣ, не требовала подстилки, а траву щипала тамъ, гдѣ просто чернѣла одна земля и гдѣ, казалось, даже гусь не въ состояніи поживиться.

Пронюхавъ гдѣ-нибудь мѣшокъ съ овсомъ, она непременно развязывала его и выѣдала; въ случаѣ надобности, умѣла сорваться съ оброти, у чужой лошади отнимала овесъ, хотя-бы за это нужно было и подраться, а отъ собакъ и людей оборонялась не только съ помощью копытъ, но и зубами. Посторонній долженъ былъ весьма осторожно подступать къ ней, потому что незнакомаго, на всякій случай, подчивала она ляганьемъ. Неоцѣнимое это животное, по самому умѣренному расчету, служило лѣтъ двадцать, а поступило въ упряжь не менѣе какъ по пятому году, и между тѣмъ не имѣло другого порока, кромѣ небольшого запала.

Усѣвшись на повозкѣ и закуривъ трубки, Оедько и Ермола не обращали уже вниманія на пѣгашку, которая взяла на себя обязанность вожатаго, и пустились бесѣдовать на свободѣ.

— А помните, кумъ, какъ я покупалъ вамъ козу, — спро-

силъ Ѳедько, засмѣявшись.—Шмуль и до сихъ поръ не забылъ этой штуки.

— Богъ да наградить тебя, ты отлично тогда выдумалъ, и хоть коза издохла, но выкормила ребенка

— Славный молодецъ.

— Словно ягодка. А что за дитя, — прибавилъ Ермола, — въ цѣлый годъ не расскажешь, какой онъ умный, почтительный, расторопный.

— Точь-въ-точь какъ моя кобыла, не въ примѣръ будь сказано, — молвилъ Ѳедько: — это просто сокровище — не пѣгашка! Но! но! старушка, но! Голубка! А вы, Ермола, сдѣлались гончаромъ подъ старость.

— Надо же было заработать кусокъ хлѣба ребенку.

— Конечно. Но неужели вы думаете, что родители никогда не потребуютъ назадъ ребенка?

— А кто посмѣлъ бы потребовать? — воскликнулъ Ермола съ беспокойствомъ. — Зачѣмъ-же бросали его, въ такомъ случаѣ?

— Всяко бываетъ, — отвѣчалъ Ѳеєько; — случается, что родители отрекаются и навсегда, но иной разъ приходятъ впоследствии и говорятъ: отдай намъ нашего ребенка.

Ермола вздрогнулъ.

— Какой-же онъ ихъ ребенокъ? На что это похоже! Вѣдь бросили же его ночью въ пустырь подъ деревьями! А кто его выкормилъ, вынянчилъ, воспиталъ? Скорѣе онъ мой теперь.

— Вы такъ думаете? Конечно, я тутъ ничего не знаю, — отвѣчалъ Ѳедько, — но разные мысли приходятъ въ голову. А рассказывали вы мальчику, какъ нашли его?

— Къ чему-же было таиться; наконецъ, вся деревня знаетъ объ этомъ и люди безъ меня все давно рассказали бы ему. Едва только мальчикъ началъ понимать вещи, я все открылъ ему, какъ было, но онъ говорить, что теперь уже не покинетъ меня, если-бы нашлись и родители.

— Добрый мальчикъ!

— О, золотое дитя мой Родіонко!

— Ну, скажите же мнѣ — зачѣмъ вы ѣдете въ мѣстечко? — спросилъ Ѳедько чрезъ нѣсколько времени.

— А сказать вамъ правду?

— Конечно, зачѣмъ же выдумывать.

— Я ѣду не въ мѣстечко, а дальше.

— Видите! А мальчикъ вашъ говорилъ, что вамъ надо собирать долги съ жидовъ.

— Это я нарочно его увѣрилъ, а дѣло совсѣмъ другое.

И Ермола со вздохомъ разсказалъ исторію поливы, а Оедька плюнулъ и пожалъ плечами.

— Вотъ захотѣлось вашему мальчику Богъ знаетъ чего! Держались бы того, что вамъ удается, а не гонялись бы за лучшимъ, иногда вѣдь, кумъ, и лишняя мудрость таже глупость. Дѣлаете простые горшки, и у васъ ежедневно есть покупатели, потому что и нищій не сварить безъ васъ кашицы, горшокъ необходимъ въ самомъ бѣднѣйшемъ семействѣ. Съ поливой дѣло другое: въ деревнѣ не слишкомъ-то бросаются на нее; значить, надо возить въ мѣстечко. На базарѣ продажа плохая, принуждены будете имѣть дѣло съ жидами, тѣ стануть мошенничать.

— Что-жь, когда захотѣлось мальчику.

— Увидите, что ничего не выйдетъ.

— Но что-же дѣлать?

— Конечно, попытаться можно, отъ этого не будетъ убытка, но неужто вы думаете, что гончары соблазнятся вашимъ рублемъ и откроютъ тайну?

— Я дамъ и больше.

— Все-же они не такъ глупы, чтобы злотъ (15 к.) продавать за копѣйку, зная, что собираетесь отбить у нихъ кусокъ хлѣба: вѣдь не для забавы же вы хотите научиться.

Съ грустью Ермола опустилъ голову.

— Знаю я это, — отвѣчалъ онъ: — но если Господь поможетъ одинъ разъ, то не оставитъ и до конца. Жутко пришлось и съ Прокопомъ сначала, я не зналъ даже, гдѣ искать глины; но вѣдь нашлась и все уладилось, какъ нельзя лучше: уладится, можетъ быть, и это.

Въ это время пѣганка, привыкшая подкрѣпляться въ извѣстномъ мѣстѣ, остановилась сама предъ корчмой, лежавшей въ лѣсу, на межѣ двухъ владѣній, совершивъ треть дороги отъ Попельни къ мѣстечку. Оедько обыкновенно выпивалъ здѣсь чарку горѣлки и закуривалъ трубку. Стыдно было ему

немного, что пѣгашка остановилась безъ его позволенія, и не смѣя безъ всякой причины пойти выпить водки, онъ слѣзъ съ повозки и подкинулъ лошади сѣна.

— Ну, и парить же! — сказалъ онъ, медленно вычищая трубку.

— Какъ въ банѣ.

— Можетъ, вы пошли бы въ хату отдохнуть въ тѣни, а я выпью водки, потому что въ животѣ какъ-то ворочаетъ.

— Въ такой жаръ?

— Э! Водка прохлаждаетъ.

— Ну, выпейте на здоровье, я заплачу, — сказалъ Ермола, слѣзая съ повозки.

Корчма, о которой идетъ рѣчь, принадлежала къ числу тѣхъ еврейскихъ западней, въ которыхъ израильтяне подстерегаютъ бѣдную крестьянскую душу. Она даже не скрывалась, что живетъ одной водкой; сарая для приѣзжихъ не было, сама она, вросшая въ землю, кривая, ободранная, торчала одиноко, а вытопанная передъ нею обширная площадка свидѣтельствовала о большомъ количествѣ посѣтителей.

Мѣсто это на перекресткѣ трехъ дорогъ, среди дубовыхъ и ольховыхъ кустовъ, на которомъ широко виднѣлись слѣды колесъ, — представляло наглядно всю исторію Дубовки (имя корчмы). Вокругъ виднѣлись сѣно, солома, шелуха, рыбы кости, скорлупа и разные объѣдки, не считая слѣдовъ, оставаемыхъ обозами, которые подѣзжали къ Ицкѣ и останавливались у корчмы долѣе, чѣмъ слѣдовало. Этими остатками кормились корова и нѣсколько еврейскихъ козъ, отличныхъ воровокъ, потому что, едва показывался возъ, какъ уже которая-нибудь изъ нихъ, подкравшись сзади, тащила себѣ поживу. Козы не боялись кнута, привыкнувъ убѣгать при малѣйшемъ стукѣ двери, и, по минованіи опасности, возвращались снова съ упрямствомъ голода и алчнаго лакомства. Старинные посѣтители, хорошо знавшіе мѣстность, никогда не бросали повозки предъ корчмой, не оставивъ жену или дитя съ кнутомъ для отбитія непріятеля. Но козы были такъ ловки, что стоило женщинѣ вздремнуть или ребенку засмотрѣться, они, подкрадываясь сзади, непремѣнно вытаскивали то, что ихъ соблазняло.

Корчмарь Ицекъ былъ жидокъ самаго сквернаго сорта: рыжий, хромоногий, глуповатый, но необыкновенно хитрый и злой въ высшей стѣпени. Обманывалъ онъ нагло, вступая за это даже въ драку съ крестьянами, но умѣлъ всегда за свои синяки брать наличныя деньги, и колачивалъ ли самъ, бывалъ ли битъ—все равно, кончалось тѣмъ, что усталость его непремѣнно окупалась.

Какъ онъ тамъ жилъ въ шумѣ и вознѣ, длившихся день и ночь, въ этой дракѣ, въ этихъ хлопотахъ, не имѣя времени уснуть, развѣ часа на два предъ разсвѣтомъ?—вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу неразгаданныхъ тайнъ, разрѣшеніе котораго серьезно заняло бы психолога и фізіолога.

Ицекъ зналъ, казалось, весь міръ, и ему извѣстенъ былъ характеръ не только частныхъ посятителей, но даже сосѣднихъ обществъ. Такимъ образомъ, завидѣвъ издали повозки, онъ уже приготовлялся встрѣчать пріѣзжихъ, смотря по обстоятельствамъ,—улыбкой, кулакомъ, низкимъ поклономъ или надутой фізіономіей. «Пепелянцы,—говорилъ онъ,—все большіе паны: безъ лука и чеснока не закусываютъ, каждый почти купить *кугель**). Въ Малычкахъ все почти мастера и пьяницы, въ Веренѣ цыгане, а въ Юрковѣ воры“.

Завидѣвъ изъ окна только еще голову Оедьковой кобылы, еврей тотчасъ узналъ, кто ѣдетъ, и такъ какъ въ корчмѣ было пусто, то онъ вышелъ на дворъ и остановился на порогѣ.

— Ай! гвалтъ!—сказалъ онъ, потягиваясь: Оедько снова въ мѣстечко! Что ты такъ полюбилъ его. Ба! И старый гончаръ туда-же! Но сегодня нѣтъ базара, вѣрно какая-нибудь *оказія*.

— Ага, *оказія*!—молвилъ Ермола.

— А между тѣмъ дай-ка доброй водки,—отозвался Оедько.

— Что это значитъ—доброй?—воскликнулъ Ицекъ съ досадою:—развѣ же у меня когда бываетъ дрянная? Да развѣ у вашего Шмуля такая, какъ моя? Вѣдь онъ вливаетъ воды наполовину.

— Правда, что у Ицки настоящая пѣнная,—отозвался Оедько, облизываясь.

---

*) Хлѣбъ особеннаго рода, приготовляемый евреями.

— Теперь такая, что во всёмъ повѣтъ (уѣздѣ) нѣтъ подобной. Попробуйте! Только панамъ пить такую горѣлку: двухлѣтняя крѣпкая и куплена въ Бубновѣ. Правда, стоитъ дорого, но я люблю *рехтъ*, у меня нельзя иначе.

Пріѣзжіе вступили въ хату, въ которую съ порога надо было спускаться словно въ погребъ, потому что она значительно осѣла, потолокъ висѣлъ надъ головою, а земляной полъ до того понизился, что окна лежали въ завалинкѣ. Такое положеніе корчмы, небольшая возвышенность передъ нею, гдѣ оставились повозки, отсутствіе крыльца, — были причиною, что у входа постоянно находилась лужа, черезъ которую проходили по кирпичикамъ. Безпрепятственно полоскались въ ней еврейскіе гуси и утки, а знакомые посѣтителы, наклонясь по случаю низкой двери, осторожно пробирались черезъ это Черное море. Еврей никогда и не думалъ объ устраненіи этой непріятности. Впрочемъ, во время сильной засухи лужа дѣлалась вмѣстѣлищемъ густой грязи, но тотчасъ послѣ дождя она занимала едва не половину хаты. Идешь не находишь, чтобы это могло служить помѣхой въ жизни. Въ корчмѣ находились Ицкова жена, отвратительная и неопрятная баба, шестеро дѣтей разнаго возраста, служанка, нѣсколько козъ, куръ и гусей, да на лавкѣ, положивъ голову на столъ, дремалъ какой-то прохожій. Поскользнувшись при входѣ и попавъ ногой не на кирпичину а прямо въ воду, Федько разразился проклятіемъ и разбудилъ прохожаго.

Судя по покрою платья, зеленому поясу, высокой шапкѣ и окованной палкѣ, лежавшей вмѣстѣ съ узломъ, послѣдній походилъ на мѣщанина. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ около тридцати, высокаго роста, съ круглымъ румянымъ лицомъ и, повидимому, не знакомый съ нуждою, потому что въ глазахъ его выражались страсть къ кутежу и веселость. И теперь онъ былъ подъ хмѣлемъ, отвѣдавъ ицковой водки изъ Бубнова, потому что едва успѣлъ поднять голову, тотчасъ запылъ пѣсню. При видѣ же паденія Федьки, онъ воскликнулъ!

— Помогите! Помогите! Тонуть попелянцы. — Всѣ засмѣялись, а прохожій паренъ, подпершись въ бока, началъ разсматривать вновь прибывшихъ.

— А почему-же вы знаете, что мы попелянцы?—спросилъ Ермола.

— Вотъ большая важность! Всѣ попелянцы помѣчены.

— Чѣмъ-же? Крестами на плечахъ?

— А развѣ вы не знаете,—отвѣчалъ парень, — что ваши портные шьютъ вамъ *каптуры* *), какъ не шьютъ нигдѣ въ въ свѣтѣ.

Дѣйствительно, въ Попельнѣ издревле кроилась особеннымъ образомъ свита **), о чемъ позабыли Оедько и Ермола; но и они, подобно прочимъ, крѣпко держались обычая, и ни одинъ изъ нихъ не купилъ бы свиты не такого покроя, какой носили прежде.

— А вы же откуда?—спросилъ Оедько парня.

— Изъ-за седьмого моря, изъ-за седьмой рѣки, изъ седьмой земли,—отозвался веселый гуляка.

— Ага, и тамъ знаютъ попелянцевъ! Однако, безъ шутокъ, откуда Богъ несетъ?

— Изъ Мрозовицы.

Это было большое село чиншевой шляхты, гдѣ именно жили гончары, къ которымъ собрался Ермола за совѣтомъ. Услыхавъ названіе деревни, старикъ вздрогнулъ.

— Изъ Мрозовицы? А куда-же идете?

— Куда глаза глядятъ.

— Значить, далеко?

— А что-жъ? Надоѣло сидѣть, сложа ноги, на одномъ мѣстѣ, иду дальше искать бѣды.

— Зачѣмъ ее искать? —отвѣчалъ Оедько, — она и сама придетъ.

— А развѣ я побоюсь ее! Еще поборемся,—молвилъ парень.

— Не портной ли вы?—спросилъ Ермола, когда сразу признали наши свиты.

— Почему же -нѣтъ, можетъ и портной,—весело отвѣчалъ проходжій,—былъ я и хозяиномъ, и кузнецомъ, и плотникомъ, и ткачомъ, и музыкантомъ, и сапожникомъ... Тьфу! Все это глупость. Хочу быть паномъ.

---

*) Капюшонъ.

**) Верхняя одежда.

— Вы думаете? — сказалъ Ѳедько. — Кажется, это лучше всего. А, чтобъ тебя: кланяюсь ясновельможному пану. И Ѳедько отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Какъ мнѣ кажется, — вмѣшался Ермола, — вы, перепробавъ разныя занятія, не долго и паномъ останетесь: надобѣтъ и панство.

— А что-жь, сдѣлаюсь писцомъ, — и то занятіе: вѣдь мнѣ все равно! — отвѣчалъ парень и запѣлъ:

Ой, кій мыни братомъ
Торба мыни жинка.

— Это какой-то веселый малый, — подумалъ Ермола, — но встрѣча мнѣ какъ-разъ кстати: пока пѣгашка съѣстъ сѣно, а Ѳедько закусить водку хлѣбомъ съ лукомъ, я узнаю отъ него что-нибудь о Мрозовицѣ. Эй, послушайте, братъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ парню, — не выпьешь ли водки?

— Почему же нѣтъ, лишь бы на чужія деньги. Вѣдь жидъ для компаніи удавился.

— А подай-ка намъ, Ицекъ, только той что изъ Бубнова.

— Слышишь, Ицекъ, давай, собачья шкура, — повторилъ гуляка.

— Я вѣдь нарочно ѣду въ Мрозовицу, — сказалъ Ермола, садясь возлѣ парня на лавку.

— А! Ну такъ возьмите-же двѣ палки и хорошенько позанивайтесь карманы, потому что тамъ разбойники и воры.

— Что вы сказали?

— Спросите у тѣхъ, кто тамъ былъ ни одного честнаго человѣка.

— А гончары?

— Первые мошенники

— Кстати же я собрался!

— Зачѣмъ?

— Долго говорить, а нечего слушать.

— И незачемъ ѣхать, — сказалъ парень, — если нужна разбитая и треснувшая посуда, тогда поѣзжайте.

— Не въ этомъ дѣло.

— Въ чемъ-же?

— Видите-ли, — пробормоталъ Ермола, почесывая затылокъ.

Подкрѣпившійся Ѳедько принялъ на себя обязанность пере-

водчика. Трезвому трудно разговаривать съ подгулявшимъ, но пьяный отлично понимаетъ пьянаго.

— Видите-ли, — шепнулъ Оедько на ухо парню, — Ермола гончаръ, но не умѣетъ дѣлать поливы, а ему захотѣлось выучиться.

— Какого-же дьявола ѣхать ему въ Мрозовицу?

— А куда-же?

— Да я научу! А что онъ мнѣ дастъ?

Взглянувъ другъ на друга, Оедько и Ермола остолбѣли.

— Шутите! Неужто вы были и гончаромъ?

— Не только гончарскій сынъ, но и поливу умѣю дѣлать. Потому что лѣтъ шесть занимался этимъ. Но глупѣе ремесло, и скоро мнѣ надоѣло; пачкайся въ глину, возись съ нею, пекись въ огнѣ. Я плюнулъ и бросилъ, хоть отлично знаю поливу какого угодно цвѣта — и она у меня выходитъ чиста какъ стекло.

— Это правда?

— Попробуйте.

Ермола разсмѣялся.

— А что возьмете?

— А что дадите?

Слыша о какомъ-то торгѣ, но не понимая въ чемъ дѣло, Ицекъ думалъ, не продается ли что-нибудь, и присоединился къ бесѣдовавшимъ, настороживъ уши; онъ боялся, чтобы не ускользнули барыши.

— Что вы торгуете? — спросилъ онъ потихоньку.

— Кота въ мѣшкѣ, — отвѣчалъ парень.

— Ну, что тамъ за котъ! Къ чему котъ! — сказалъ съ досадою еврей. — Скажите, можетъ быть и я куплю.

— Торгуются о поливѣ, — молвилъ Оедько.

Еврей не понялъ, пожалъ плечами и отошелъ на нѣсколько шаговъ, наблюдая изъ-за печи торгъ и рассчитывая на магарычъ.

Между тѣмъ, собесѣдники рѣшили на пяти рубляхъ чистыми деньгами. Ударили по рукамъ, залили бубновской водкой, и Ермола собрался уже съ новымъ знакомымъ назадъ въ Юпельню.

— Ну, такъ и я не поѣду сегодня въ мѣстечко, — молвилъ Оедько, какъ бы раздумавъ: ночью непременно дождь вымочилъ бы меня до нитки.

И два пріятеля, усадивъ съ собой на повозку Сѣпака (имя парня), поѣхали обратно въ Попельню, къ величайшей досадѣ Ички, который не понималъ причины сдѣлки, но чувствовалъ въ ней какія-то недоступныя для него деньги.

Такимъ образомъ и полива пріѣхала въ Попельню, а Ермола, какъ за чудо, поблагодарилъ за нее Бога.

УШ.

Было уже около полудня, когда наши путешественники подъѣхали къ жилищу Ермолы въ Попельню. Родіонъ сидѣлъ у порога и точилъ огромный кувшинъ, а Гулюкъ помогалъ ему, и мальчишки весело разговаривали.

При видѣ отца Родіонъ удалился и нѣсколько испугался, но тотчасъ же бросился высаживать старика изъ повозки.

— Что это значитъ, тятя, вы такъ скоро возвратились? Не случилось ли чего въ дорогѣ?

— Ничего, сыночекъ, и вотъ мы встрѣтили этого добраго парня, который былъ гончаромъ въ Мрозовицѣ и общается научить насъ дѣлать поливу.

Родіонъ подпрыгнулъ съ радости.

— Неужели? — спросилъ онъ.

— Непремѣнно, — сказалъ Сѣпакъ, — и очень радъ, что могу выкинуть штуку своимъ мрозовичанамъ, потому что они мнѣ костью засѣли въ горлѣ.

И, слѣзши съ повозки, онъ началъ съ видомъ знатока присматриваться къ гончарскому заведенію. Но нельзя было не замѣтить въ немъ деревенскаго выскочку, готоваго смотрѣть на все свысока и смѣяться надъ каждой вещью. Простое заведеніе показалось ему такимъ ничтожнымъ, и онъ такъ при осмотрѣ пожималъ плечами, что старикъ и Родіонъ повѣсили головы. Отзываясь о ихъ издѣліяхъ съ презрѣніемъ, Сѣпакъ бросалъ горшки и кувшины о земь, разбивалъ, доказывалъ непрочность и, развалиясь на лавкѣ, началъ vychалять свои собственныя работы.

Ермолѣ, который довольно зналъ людей, не понравилось подобное поведеніе, но онъ терпѣлъ Сѣпаковы выходки, собственно въ надеждѣ чѣмъ-нибудь отъ него попользоваться, хотя, судя по разговорамъ, и мало имѣлъ къ нему довѣрія.

Между тѣмъ, Сѣпакъ велѣлъ подать себѣ водки и поджарить сома и, закусивъ порядкомъ, легъ уснуть, а вечеромъ отправился въ корчму.

На другой день надо было отправиться въ мѣстечко за снадобьями, необходимыми для поливы, а Родіонко по указанію Сѣпака, распѣвавшего пѣсни, дѣлалъ нужныя приготовленія для новаго занятія. Но, когда, наконецъ, дошло до дѣла, Сѣпакъ оказался необыкновенно ловкимъ и знающимъ, что удивило старика неменѣе его самохвальства; поработавъ съ полчаса, мрозовичанинъ ушелъ въ корчму, гдѣ нанялъ музыканта, созвалъ полдеревни, поставилъ ведро водки и задалъ пиръ на славу.

Поздно уже вечеромъ пьянаго подмастерья привели неменѣе подгулявшіе парни съ пѣснями и положили передъ дверями Ермолиной хаты. Съ сожалѣніемъ смотрѣли на него Гулюкъ и Родіонъ.

Какъ-то не скоро началась серьезная работа, но пока понятливый воспитанникъ Ермола такъ воспользовался указаніями и пріемами подмастерья, или лучше сказать, такъ былъ догадливъ, что ему уже не были чужды всѣ приготовленія. То-же самое было и впоследствии: довольно было ему нѣсколько свѣдѣній, указаній, чтобъ выйти на настоящій путь, а молодыя понятія дополнили то, чего недоставало въ самомъ учителѣ. Боялся Ермола вреднаго вліянія подмастерья на Гулюка; онъ готовъ былъ бы и избавиться отъ мрозовичанина, но послѣдній какъ-бы нарочно предназначался судьбою оплошить предъ Родіономъ кутежъ и всѣ его послѣдствія. Сѣпакъ дѣйствительно представлялъ типъ повторяющійся часто у простолюдиновъ во всей наивности: онъ былъ чарень ловкій, способный, расторопный и переходилъ отъ работы къ гулянкѣ, отвращаясь отъ первой и не бывъ въ состояніи насытиться другою.

Иногда, утомленный кутежомъ, цѣлые дни проводилъ онъ, лежа на сѣнѣ, распѣвая во все горло и вздыхая полной грудью, словно долженъ былъ умереть въ ту-же минуту. Потомъ, черезъ какой-нибудь часъ, онъ могъ уже заниматься самымъ усерд-

нымъ образомъ, и рука, которая сперва дрожала и не повиновалась, работала съ необыкновенною ловкостью. Но едва входилъ онъ въ эту колею, какъ снова бросалъ все, схватывался за каждаго встрѣчнаго, начиналъ шутить и чаще всего отправлялся въ корчму, гдѣ за столомъ проходила половина его жизни.

Едва Родіонъ началъ работать подъ его руководствомъ муравленную посуду, которая пошла довольно удачно, Сѣпаку, уже надоѣли и жизнь въ Попельнѣ, и Ермола, и тишина, господствовавшая въ семьѣ гончара. Не находя себѣ товарищей для кутежа и потребовавъ остальную плату по условію, Сѣпакъ переселился къ Шмулю, нанялъ музыку и три дня пировалъ на славу, а на четвертый, взявъ на плечи палку и сумку, не прощавшись ни съ кѣмъ, поплелся дальше, къ большому сожалѣнію шинкари и нѣсколькихъ кутилъ, которые каждый день на его счетъ пріятно проводили вечера.

Только и видѣли его въ Попельнѣ.

Потревоженное на время спокойствіе возвратилось въ хату Ермолы. Родіонъ принялся горячо за новое занятіе, и хотѣлъ дѣлать одну лишь муравленную посуду, но старикъ удержалъ его.

— Помни, — сказалъ онъ, — что недовольно наработать посуды, а надобно еще распродать ее, иначе ѣсть будетъ нечего. Кто знаетъ, какъ пойдетъ еще наша торговля, и если не захотятъ нашей муравленной посуды, или заставятъ насъ продавать ее дешевле, по крайней мѣрѣ воротимъ хоть часть капитала продажею простыхъ горшковъ, которые до сихъ поръ отлично раскупаютъ. Кто знаетъ, что будетъ съ поливой, а если бросимъ обыкновенную посуду, то люди начнутъ искать ее въ другомъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ Ермолѣ удалось убѣдить мальчика, который рѣшился дѣлать на-половину простой и муравленной посуды. До тѣхъ поръ дѣло шло удачно, и старикъ боялся, какъ бы съ переменой не ухудшилось положеніе, а Родіонъ, жаждавшій новизны, не умѣлъ разсчитывать и боязнь отца считалъ неосновательной мочтою. А между тѣмъ, ничто сразу не принимается у нашего простонародья: медленно и осторожно слѣдуетъ осваивать его съ каждымъ нововведеніемъ, потому что консервативный инстинктъ сильно удерживаетъ его при старыхъ обычаяхъ, даже въ самыхъ мелочахъ.

Оказалось это вскорѣ послѣ того, какъ приготовлено было нѣсколько печей простой и муравленной посуды. Наступалъ большой праздникъ, въ который обыкновенно собирался значительный базаръ въ мѣстечкѣ. Гончары приготовились; наняли у Ѳедьки кобылу, и, нагрузивъ тщательно повозку, Ермола съ сыномъ выѣхали съ полночи и прибыли на разсвѣтѣ въ мѣстечко. Расположились они со своимъ товаромъ возлѣ главнаго еврейскаго постоялаго двора, гдѣ останавливались постоянно и куда къ нимъ являлись массаи покупатели и торговля шла всегда до вечера такъ шибко, что вдвоемъ едва можно было удовлетворять всеѣмъ требованіямъ. Разложили и теперь свои издѣлія въ обычномъ мѣстѣ наши гончары, раздѣливъ свою лавку на двѣ половины—съ простой и муравленной посудой. Родіонъ ожидалъ покупателей съ надеждой, Ермола со страхомъ. Тотчасъ-же начали появляться толпы женщинъ, но все запасались простой посудой. Напрасно показывали имъ муравленную, понижая цѣну: хозяйки молча качали головами, а другія признавались откровенно, что предпочитаютъ покупать у мрозвицкихъ гончаровъ. Привычка преодолѣвала, и не соблазнили покупателей ни доступныя цѣны, ни доброта издѣлій. Народъ смотрѣлъ недовѣрчиво и шелъ туда, гдѣ привыкъ покупать муравленную посуду. Родіонъ плакалъ втихомолку, а старикъ самъ уже принимался утѣшать его, увѣряя, что сначала всегда такъ бываетъ, и что необходимо терпѣливо выждать нѣкоторое время.

Къ вечеру только незнакомые люди купили нѣсколько муравленной посуды, а простая вся была разобрана.

При разсвѣтѣ оказался небольшой убытокъ. Мальчику взгрустнулось. Всю дорогу старикъ утѣшалъ его, какъ умѣлъ, примѣняя маленькую эту неудачу къ большимъ невздамъ жизни, которыя, однако-же, не должны уничтожать въ человѣкѣ ни бодрости, ни надежды.

IX.

Мы, кажется, старательно описали быть убогихъ людей, не опустивъ интересныхъ сколько-нибудь подробностей. Жизнь ихъ

текла однообразно, зато счастливо: по крайней мѣрѣ Родіонъ не понималъ лучшаго положенія. Отецъ любилъ его и удовлетворялъ желанія, ремесло шло удачно, было занятіе, а будущее видѣлось въ пріятномъ свѣтѣ.

Изрѣдка только задумчивый мальчикъ садился на дорогѣ и смотрѣлъ вдаль на волны Горыни, на лѣса и поля, уплачивая минутной грустью долгъ безотчетнымъ желаніямъ, которыя всю жизнь не перестаютъ тревожить человѣка. Въ подобныя минуты приходили ему на память не разъ описанныя Ермолю подробности о томъ, какъ старикъ нашелъ его подъ дубами, являлась мысль о таинственномъ происхожденіи и странномъ предназначеніи, которое—неизвѣстно откуда—бросило его на руки честнаго Ермола. Мальчикъ не понималъ, зачѣмъ его бросили, зачѣмъ отреклись отъ него, но таинственный голосъ говорилъ ему, что кто-то вспомнитъ о немъ, и мальчикъ прислушивался къ тишинѣ, словно желая уловить приближающіеся шаги жданныхъ но странныхъ незнакомыхъ гостей.

Не всегда одинаково воображеніе рисовало ему неизвѣстныхъ родителей; но, чуть, бывало, вспомнить о Ермолѣ, о разлукѣ съ нимъ, которая убила бы почтеннаго старика, Родіонъ плакалъ и давалъ себѣ слово не оставлять названнаго отца. Какъ въ каждомъ, и въ немъ пробуждалось желаніе новой судьбы, но онъ чувствовалъ, что, гонясь за новизною, онъ долженъ былъ бы утратить что-нибудь изъ настоящей счастливой доли. Да и гдѣ же ему могло быть лучше, свободнѣе? Работалъ онъ сколько хотѣлъ, перемѣнялъ занятія, и старикъ даже никогда не посмотрѣлъ на него косо. Правда, Ермола такъ воспиталъ мальчика, что дѣйствовалъ на него однимъ ласковымъ словомъ, а суровость и угрозы считалъ вреднымъ и неидущимъ къ дѣлу средствомъ. Старикъ старался свизойти къ Родіону, мальчикъ усиливался приближаться къ опытности старика, и они дѣлились лѣтами, какъ и всѣмъ прочимъ.

Такъ проходили дни среди невозмутимаго спокойствія и постепенно забывалось думать о перемѣнѣ, которая могла угрожать въ будущемъ. Но вотъ, однажды вечеромъ, Оедько, возвращаясь изъ мѣстечка, подѣхалъ къ Ермолѣ закурить трубку, по тому случаю, что на обыкновенной дорогѣ испортился мостикъ и надо было объѣзжать его. Не привыкшая къ этому пути

пѣгашка заупряилась-было, но Ѳедькѣ удалось какъ-то сладить съ нею.

Старый гончаръ съ Родіономъ сидѣли на порогѣ: Ермола курилъ трубку, а мальчикъ дѣлалъ какія-то предположенія о будущемъ, обращаясь, по-временамъ, къ старику. Ѳедько слѣзъ съ повозки и прервалъ ихъ бесѣду обычнымъ:

— Помогай Богъ!

— Здравствуйте. А откуда?

— Изъ Малычекъ.

— Ъздили одни?

— Возилъ Никитѣ проданный картофель.

— Что-же слышно новенькаго?

— О, много новаго, — отвѣчалъ Ѳедько, садясь на колоду: много новаго — ротмистръ умеръ.

— Умеръ ротмистръ! — подхватилъ Ермола. Царство небесное покойнику. Довольно онъ помучился на свѣтѣ.

— Да и другимъ не было отъ него сладко.

— Умеръ! — произнесъ грустно Ермола... Смотрите стариковъ требуютъ на тотъ свѣтъ. Какъ-бы и о насъ не вспомнили тамъ вскорѣ.

— Болень былъ, — замѣтилъ Ѳедько, — и то удивительно, что держался столько лѣтъ. Въ домѣ теперь настоящій страшный судъ.

— А сынъ?

— Всѣ и сынъ, и люди, которыхъ мучилъ ротмистръ, всѣ заливаются слезами. На дворѣ цѣлая громада и вой такой, что просто ужасъ.

— Всѣмъ придетъ время умирать, — сказалъ Ермола со вздохомъ.

— Конечно, — отвѣчалъ Ѳедько, — но сказать правду, ротмистръ куда былъ тяжелъ для домашнихъ. Вѣдь совсѣмъ больной, калѣка, а ключей не отдавалъ никому до смерти, не довѣряя ни сыну, ни родственницѣ. Сынъ постарѣлъ, не выѣзжая изъ дому, ротмистръ не позволялъ ему ни жениться, ни выѣхать даже никуда на самое короткое время. Съ родственницей онъ также обращался строго; и зная, что она слюбилась съ Яномъ, держалъ ихъ вмѣстѣ, но запрещалъ и думать о бракѣ.

— Ну, теперь они, конечно, подумаютъ о свадьбѣ.

— Значить, вы ничего не знаете. Они уже когда-то давно обвинчались потихоньку, но только это было тайной для всѣхъ, кромѣ старой ключницы. Ихъ вѣнчалъ самъ ксендзъ пробошъ и свидѣтели были: но что-же, если не могли они видѣться ни минуты: и день, и ночь ротмистръ держалъ ихъ поочередно при себѣ такъ, что или тотъ или другая должны были оставаться при немъ постоянно. А вѣдь тамъ было такое обыкновеніе, что всѣ должны были доносить ротмистру, если замѣтили что за Яномъ, иначе были бы выпороны, а сыну онъ грозилъ проклятіемъ, если-бы тотъ смѣлъ подумать о женитьбѣ.

— Тяжелъ былъ старикъ правда, — отозвался Ермола, — но имѣлъ и хорошія стороны. Наконецъ, и страдалъ же онъ! Иногда по цѣлымъ ночамъ только и твердилъ: «Сжался, Господи, и пошли мнѣ смерть скорѣе!» Съ посторонними онъ всегда былъ добръ и мягокъ, я самъ обязанъ ему, что Прокопъ выучилъ меня гончарству; а какъ разговорится, сколько бывало насмѣмся. Да, покойникъ былъ пріятель моего пана.

Старики долго еще разговаривали о ротмистрѣ, припоминая малѣйшія подробности изъ его жизни, но вообще, по обычаю, жалѣя о покойникѣ, потому что каждый умершій долженъ же оставить по себѣ хоть немного сожалѣнія. Вдругъ со стороны Малычекъ послышалось, что ѣдетъ экипажъ, и всѣ тотчасъ признали по стуку колесъ не простую повозку.

— Вѣрно, Гудный возвращается откуда-нибудь, — сказалъ Ермола. — Войдемъ въ хату: лучше ему не показываться на глаза.

— О, нѣтъ, — отвѣчалъ Оедько: это что-то чужое, стукъ словно отъ большого экипажа. Видно, кто-нибудь заблудился.

Всѣ съ любопытствомъ начали посматривать на дорожку, лежавшую за дубами, и вскорѣ показалась трехконная бричка, приближавшаяся къ деревнѣ большою рысью.

— Кто бы это могъ быть? — спросилъ Ермола.

— Лошади ротмистровскія... А! Это панъ Янъ съ женою изъ Малычекъ: я ихъ знаю. Но какое-же дѣло у нихъ въ Попельнѣ?

Родіонъ тоже выглянулъ изъ любопытства. Экипажъ быстро приближался и, миновавъ старую корчму, обитатели которой

стояли на порогѣ, подбѣхалъ прямо къ Ермолиной хатѣ и остановился. Соскочивъ почти разомъ, мужчина, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, и еще молодая жѣнщина побѣжали къ Ермолѣ, но остановились за шагъ отъ него: отъ волненія не могли говорить они, и только раздался крикъ и потомъ послышались рыданія. Жѣнщина бросилась къ Родіону, мужчина также послѣдовалъ за нею къ мальчику, который пятился отъ страха.

— Сынъ мой! Дитя мое! — кричала пани.

— Марія! Бога-ради, поговоримъ прежде съ ними.

Взглянувъ блистающими глазами на мать, Родіонъ прильнулъ къ Ермолѣ, словно требуя отъ него помощи и покровительства.

— А! Онъ не знаетъ меня! — воскликнула съ горестью пани: не знаетъ и не можетъ знать! Онъ отталкиваетъ меня, убѣгаетъ... Иначе и быть не могло!... О, лучше было бы отказаться отъ всего, вызвать на свою голову проклятіе, а не покидать ребенка: мы потеряли его навсегда!

— Марія, успокойся!

Впродолженіи этой сцены, Ермола имѣлъ время придти въ себя; лицо его приняло грустное, но серьезное, выраженіе.

— Мальчикъ этотъ, дитя, которое нашелъ ты подъ дубами, — обратился къ нему панъ Янъ дрожащимъ и прерывающимся голосомъ: это сынъ нашъ. Мы избѣгали проклятія, которымъ грозилъ отецъ, боялись шпіонства слугъ и принуждены были отказаться отъ него, позабыть его на время. Ксендзъ, который вѣнчалъ насъ и крестилъ это дитя, можетъ засвидѣтельствовать, и человекъ, который привезъ его сюда....

— Онъ могъ быть вашимъ сыномъ, — прервалъ медленно старикъ, собравшись съ силами въ рѣшительную минуту: но теперь — это мой сынъ. Видите-ли, онъ не узнаетъ матери, предъ роднымъ отцемъ — прижимается ко мнѣ: я выкормилъ его, отрывая у себя хлѣбъ, воспиталъ его трудами старыхъ рукъ своихъ. Никто не можетъ отнять его у меня... да и самъ Родіонко меня не покинетъ.

Пани рыдала; на лицѣ у пана выступала краска и видѣлись разнородныя чувства.

— Ради Бога, старикъ! — сказалъ онъ: по волѣ или по не-

волѣ, а ты долженъ будешь отдать намъ дитя, встрѣчи съ которыми мы ожидали такъ долго.

— Если-бы я и отдалъ, то мальчикъ не пошелъ бы за вами: онъ васъ не знаетъ и не покинетъ старика, который вскормилъ и воспиталъ его.

Родіонъ стоялъ блѣдный и смущенный. Мать протягивала къ нему руки, глаза ея говорили такъ много, уста призывали— и привлекала таинственная сила материнскаго чувства: у мальчика начали навертываться на глазахъ слезы.

— Возьми, что хочешь за нашего сына! — воскликнулъ Янъ.

— А что же я могу отъ васъ желать? — сказалъ съ досадою Ермола: чѣмъ же вы можете заплатить мнѣ за милое дитя мое? Ничего не требую, только позвольте мнѣ умереть при немъ спокойно.

И, проговоривъ это, старикъ расплакался, ноги подъ нимъ задрожали. онъ началъ искать руками стѣны, чтобы опереться. Родіонъ поддержалъ его и усадилъ на порогѣ, а старикъ обнялъ и поцѣловалъ мальчика въ голову. Паки ломала руки въ отчаяніи, слезы душили ее, наконецъ, она, какъ львица, бросилась къ Родіону и заключила его въ материнскія объятія.

— Ты мой! — закричала она, заливаясь слезами: ты мой!

Но и Родіонъ уже не вырвался изъ ея объятій; это былъ для него первый въ жизни материнскій поцѣлуй, такой желанный, сладкій и успокоительный. Дрожащій отецъ подошелъ также, прижался къ сыну и началъ цѣловать его со слезами.

Ермола смотрѣлъ на это съ пробивавшеюся сквозь слезы завистью: одна минута, одно слово должны были отнять у него сокровище.

— Довольно было счастья, — сказалъ онъ: теперь Богъ отбираетъ его у меня. Надо его отдать, потому что судьба только давала мнѣ его взаймы. А жить вѣдь мнѣ недолго! Панъ — обратился онъ къ Дружинѣ голосомъ, полнымъ мольбы и грусти, — видите, я уже васъ прошу теперь. Я старъ, проживу немного: оставьте мое дитя до смерти. Я умру скоро, вѣдь я очень старъ... Возьмите его послѣ отъ моего гроба. Какъ-же я могу прожить безъ него? Не дѣлайте меня несчастнаго сиротой подъ конецъ

моей жизни; не отравляйте мнѣ послѣднихъ дней за то, что я выкормилъ и вынянчилъ вашего сына.

— Мы тебя возьмемъ вмѣстѣ съ нимъ, — сказалъ Янъ. — Поѣзжай съ нами; мы обязаны тебѣ живѣйшей благодарностью.

Старикъ началъ плакать, а Родіонъ, услышавъ его рыданія, подошелъ къ нему и, ставъ передъ нимъ на колѣни, прижался къ его груди головою.

— Тятя! Тятя! — сказалъ онъ, — не плачьте, прошу васъ: я никуда и ни за что не пойду отъ васъ. Мы останемся въ своей старой хатѣ, мнѣ здѣсь такъ хорошо было съ вами. Я ничего не хочу больше.

При этихъ словахъ мать снова начала рыдать, ломая руки въ отчаяніи; люди, собравшіеся смотрѣть на эту сцену, казачиха, Ѳедько, Гулюкъ плакали также неизъяснимыми слезами, которыя найдутся у нашего народа даже и для страданій, ему неизвѣстныхъ: чтобы разчувствоваться — довольно ему видѣть плачущаго.

Оправившись нѣсколько отъ волненія, Янъ вздохнулъ и началъ что-то говорить женѣ на ухо.

— Хочешь, не хочешь, — сказалъ онъ старику нѣсколько суровымъ голосомъ, — а принужденъ будешь отдать намъ мальчика: есть свидѣтели и доказательство, что это нашъ сынъ. Можешь требовать за него, что угодно.

Ермола быстро поднялся на ноги.

— Мальчикъ васъ не знаетъ, — отвѣчалъ онъ: отымите его у меня силой, но я не отдамъ добровольно. Это не вашъ сынъ. Противъ вашихъ свидѣтелей я поставлю своихъ: это не панскій сынъ, это крестьянинъ, ремесленникъ, сирота. Кликните его, хоть и не знаете какъ зовутъ по имени, и онъ не послушается вашего голоса.

— Старикъ сходить съ ума! — воскликнулъ панъ Янъ, у котораго кипѣло въ груди. — Ну, дѣлать нечего, прибѣгнемъ къ другимъ средствамъ, какія въ нашей власти. Развѣ ты хочешь лишить ребенка лучшей участи, которая ожидаетъ его у насъ?

— Какой участи? — отвѣчалъ смѣло старикъ, — какой доли? Спросите его, развѣ у меня ему было худо? Терпѣлъ онъ недостатокъ? Желаетъ ли онъ лучшаго? Знаю я и вашу панскую жизнь и ваше панское счастье, потому что къ нимъ пригля-

дѣлся. Не возмущайте моего спокойствія, не отравляйте моей старости, не отымайте у меня ребенка.

Дрожа, приблизилась мать къ старику и взяла его за руку.

— Братъ! Отецъ!—воскликнула она: я понимаю твое горе, я знаю, что теряешь ты съ ребенкомъ, но вѣдь и я двѣнадцать лѣтъ о немъ проливала слезы, и неужели у тебя достанетъ духа отымать единственное сокровище у несчастной матери? Неужели ты будешь такъ жестокъ, чтобы довести насъ до неблагодарности? Нѣтъ, ты поѣдешь съ нами, будешь любить своимъ сыномъ и раздѣлять наше счастье.

Слова матери скорѣе проникли въ сердце Ермолы, который началъ приходить въ себя, отеръ слезы и отвѣчалъ тихимъ голосомъ:

— А! Пришла наконецъ минута, которой переживать мнѣ не хотѣлось, столько лѣтъ я видѣлъ ее во снѣ ежедневно, и боялся каждаго посторонняго, что онъ приходитъ отнять у меня ребенка. Я дрожалъ, молилъ Бога, чтобы дозволилъ мнѣ умереть прежде, но Онъ продолжилъ вѣкъ мой, и я за грѣхи несу это испытаніе.

Во время этого монолога, Родіонъ стоялъ, не зная, что начать, и посматривалъ, то на стараго отца, то на новыхъ родителей. На лицѣ Яна видѣлось нетерпѣніе, растроганность и какъ-бы чувство обиды; въ глазахъ матери только жалость и безпокойство. Ермола ослабѣлъ и сидѣлъ, какъ прикованный, опустивъ голову.

Прерванный разговоръ не возобновлялся, и пошла рѣчь болѣе спокойнымъ, обыкновеннымъ тономъ. Видно было, что Яну хотѣлось тотчасъ взять сына съ собою, но онъ не зналъ, какъ приступить къ этому. Наступила ночь. Ермола уже ничему не сопротивлялся, молчалъ, и только по временамъ старался прочесть въ глазахъ Родіона.

— Ъдемъ!—сказалъ, наконецъ, Дружина, потихоньку женѣ: завтра мы за нимъ возвратимся.

— А дитя?

Родіонъ разслушалъ разговоръ и, въ испугѣ, прижался къ старому воспитателю. Ермола прижалъ его къ груди.

— Ты доброе дитя!—сказалъ онъ,—ты меня не покинешь, не забудешь о старикѣ. Тебѣ извѣстно, что я умеръ бы безъ

тебя; закрывши мнѣ глаза, дѣлай, что хочешь, и Божіе благо-
словеніе будетъ вѣдь надъ тобою.

Дружина молча смотрѣлъ на эту сцену, и оторвавъ отъ нея
жену, насильно почти усадилъ ее въ экипажъ и повезъ домой
въ Малычки. Ѳедько поѣхалъ въ деревню съ любопытной не-
востью.

Х.

Ничто не измѣнилось, повидимому, въ старой корчмѣ, по
отѣздѣ пана Яна съ женою, но ужъ подѣ изломанную кровлю
не возвратилось вчерашнее счастье и спокойствіе. Ермола си-
дѣлъ на порогѣ неподвижно; Родіонъ плакалъ и предавался за-
думчивости. Долго разговаривали они между собою, и утро за-
стало ихъ у порога уснувшими, прижавшимися другъ къ другу,
словно изъ боязни, чтобы ихъ не разлучили.

Открывая имъ глаза своей силой, вызывающей къ жизни и
утѣшающей горе, бѣлый день напомнилъ имъ вчерашнее собы-
тіе, но представилъ его уже въ болѣе спокойномъ видѣ, и про-
будилъ другія чувства. Наступили раздумье, боязнь, надежда и
цѣлый рядъ различныхъ чувствъ, идущихъ вѣдь за каждымъ
событіемъ и мыслью, какъ наемные слуги за погребальной про-
цессіей. Все это встрѣчалось, сталкивало другъ друга и—оттол-
кнутое—тѣснилось снова.

Но ни къ чему уже не имѣли охоты ни Ермола, ни Ро-
діонъ: обыкновенный порядокъ ихъ жизни былъ прерванъ, и они
не знали, за что приняться. У мальчика то развивались кар-
тины незнакомой, но блестящей, будущности, то возникало со-
жалѣніе о невозвратномъ, но счастливомъ, прошедшемъ.

Родіонъ припоминалъ себѣ черты матери, видѣнныя сквозь
сумракъ вечера, и черты родного отца, и сердце то влекло его
къ родителямъ, то отталкивало чувствомъ боязни. Онъ задавалъ
себѣ вопросъ: будетъ ли ему тамъ лучше, или хуже? Но, во
всякомъ случаѣ, надо было начинать иную жизнь, покинуть

тихий уголокъ, очутиться среди чужихъ людей, отказаться отъ прошлаго и раздружиться съ тѣмъ, что было такъ отрадно.

Ермола также задумывался, но день принесъ ему новыя мысли; по обычаю, пошелъ онъ къ казакихъ, потому что не съ кѣмъ больше было поговорить о своемъ горѣ.

— Вы съ ума сошли, что-ли?—спросила его сосѣдка при встрѣчѣ,—вчера такъ усиливались удержатъ Родіона, будто въ состояніи дать ему Богъ знаетъ какую долю. Вѣдь они паны, и значить у нихъ доля мальчику! Что вамъ значить отправиться вмѣстѣ съ Родіономъ и жить себѣ спокойно, любуясь на его счастье.

— Да развѣ же я тамъ буду и для него тѣмъ, чѣмъ былъ въ своей старой хатѣ? Я не буду ему отцомъ, а сдѣлаюсь слугою. Мало-по-малу отымутъ у меня его сердце, избалуютъ, испортятъ мальчика. Знаю я ихъ житье! Кушанье немного лучше, одежда немного тоньше, да мягче какъ-то разговоры, а счастливые ли они со всѣмъ этимъ? Одному Богу извѣстно. Спроси ихъ, не плачутъ ли они втихомолку, не заглядываютъ ли черные дни и подъ ихъ кровлю, и такое ли тамъ счастье, какимъ представляется намъ издалека?

— Это говорите не вы, а ваше горе, — сказала казачиха съ нетерпѣніемъ, пожимая плечами: всетаки ихъ жизнь — не наша! Если-бы у насъ было лучше, всѣ перешли бы въ крестьяне; а изъ пановъ не-многіе добровольно сдѣлались бы мужиками, тогда какъ всякій изъ насъ не отказался бы отвѣдать панскаго хлѣба! Что правда, то правда.

Ермола задумался.

— Бума,—сказалъ онъ, помолчавъ минуту: все равно умирать и послѣ бѣлаго, и послѣ чернаго хлѣба, все равно, въ какомъ бы состояніи ни прожилъ человѣкъ, лишь бы предсталъ предъ Богомъ съ чистыми руками и совѣстью. Но это еще не извѣстно, будетъ ли моему мальчику, — а вѣдь онъ всетаки мой,—лучше тамъ, или было бы лучше въ старой корчмѣ, на гончарствѣ.

— А все принуждены будете отдать Родіона, нѣтъ другого средства.

— Конечно, не стану его удерживать, но пусть выбираетъ между нами, потому что я, гдѣ жилъ, тамъ хочу и умереть, и

сложить кости на нашемъ кладбищѣ. Отвѣдалъ я двороваго хлѣба. Не пойду уже на старость протягивать руку и кланяться молокососамъ, чтобы не издѣвались надо мною. Останусь въ Попельни, а Родіонъ, если хочетъ, пусть идетъ пановать въ Малычки.

— А какъ-же вы обойдетесь безъ него, бѣдный мой старичина?

— А вы же какъ обходитесь безъ своей Горпины и безъ внучковъ? Видитесь только украдкой.

— А! Правда!—сказала съ вздохомъ казачиха. — Тяжелая наша доля воспитывать дѣтей, чтобы послѣ они вылетѣли изъ гнѣзда, а самъ остаешься съ изломанными крыльями, чтобы горевать о нихъ.

— Въдь не надолго—прибавилъ грустно Ермола; дни въдь сосчитаны: одинъ, другой, а тамъ, смотри, смерть застучить въ окошко, закроешь глаза — и дѣло съ концомъ. Останется только расчетъ съ Богомъ.

— А, кумъ, какія-же вы рассказываете печальныя вещи!

— Потому что и на душѣ не весело.

Въ это время Родіонъ, не бывъ уже въ состояніи ни за что приняться, сидѣлъ, задумавшись, на порогѣ: и манилъ его невѣдомый свѣтъ, и жаль ему было разстаться съ старымъ Ермоломъ.

«Родители! Родная мать!» великія слова и велика ихъ власть надъ сиротскимъ сердцемъ, потому что никто и ничто не замѣнитъ ни отца, ни матери.

Мальчику улыбалась мысль о жизни въ панскомъ домѣ, онъ совершенно не зналъ, что могло ожидать его у родителей; одно только пламенное любопытство ярко расписывало передъ нимъ неизвѣстную будущность. Но, припомнивъ снова, какъ будетъ тяжело старику оставаться въ одиночествѣ и сколько Ермола сдѣлалъ для него, онъ не зналъ, сравнится ли материнская любовь съ любовью почтеннаго воспитателя.

Вдругъ послышался стукъ колесъ вчерашней брички. Родіонъ хотѣлъ спрятаться и не имѣлъ силы: мать завидѣла его, сдѣлала знакъ рукою, и онъ остался. Родители начали ласкать его и плакать.

— Въдь ты поѣдешь съ нами? Не правда-ли?—спрашивала мать, съ любовью смотря на красиваго мальчика, простая кре-

стьянская сермяга котораго, производила на нее непріятное впечатлѣніе.—Увидишь, какъ будетъ тебѣ хорошо съ нами,—продолжала она: правда, ты страдалъ, но все это позабудешь.

— Я нисколько не страдалъ,—отвѣчалъ, бодрясь, Родіонъ,—и никогда не хочу забывать стараго батьку. Мнѣ его такъ жаль, такъ жаль.

— Твой отецъ—я,—отозвался панъ Янъ, голосомъ, въ которомъ слышались грусть и упрекъ: называй его, какъ хочешь, но не отымай у меня моего названія.

— О, онъ долго былъ мнѣ отцомъ и будетъ имъ до смерти. Онъ такъ любилъ меня.

— А мы! Но тебѣ неизвѣстно, сколько ты стоилъ намъ слезъ...

— Я ихъ не видѣлъ... Я вамъ вѣрю, но и старикъ плакалъ также не разъ, и я смотрѣлъ на его слезы.

— Мы возьмемъ старика съ собою.

— Онъ не поѣдетъ,—шепнулъ Родіонъ.

Словно влекомый предчувствіемъ, вышелъ Ермола отъ казачихи, но, увидавъ знакомую брочку, поспѣшилъ, что было мочи, и прибѣжалъ, запыхавшись, въ испугъ за мальчика. Янъ съ женою привѣтствовали его вѣжливо, но холодно, старикъ отвѣчалъ имъ поклономъ, не проговоривъ ни слова.

— Сегодня ты отпустишь съ нами мальчика, — сказалъ панъ Дружина рѣшительно.—Мы тоскуемъ безъ него, и кромѣ того, ему надо быть на похоронахъ дѣда.

— Его полная воля,—отвѣчалъ Ермола: я не запрещаю и не удерживаю.

— Поѣдешь съ нами? Поѣдешь? — спрашивала мать, бросааясь къ нему.

Мальчикъ расплакался въ нерѣшимости.

— Нѣтъ, не могу покинуть васъ, тятя, не могу...

— Возвратишься, когда захочешь, — прервалъ Янъ, стараясь придать голосу кроткое выраженіе: мы не будемъ тебѣ прештествовать.

Наступило молчаніе, а Родіонъ съ безпокойствомъ поглядывалъ, то на задумчиваго и грустнаго Ермолу, то на мать, которая умоляла его глазами, не отказываться.

— Дѣлайте со мною, что хотите!—сказалъ, наконецъ, маль-

чикъ,—я самъ не знаю, что начать; голова идетъ кругомъ, мнѣ грустно и тяжело... Хотѣлось бы и здѣсь остаться, и васъ не хочется бросить. Оставайтесь лучше съ нами!

До полудня продолжались переговоры, и, наконецъ, родители увезли Родіона, который плакалъ и, протягивая руки къ Ермолѣ, обѣщалъ на другой день возвратиться въ Попельню.

XI.

Кто строить на людскомъ сердцѣ, тотъ долженъ глубоко рыть фундаментъ, иначе домъ его, лишенный основанія, оседетъ и развалится. Глубина сердца—трясина, которая иногда и крѣпнеть, но ее размываютъ тысячи скрытныхъ источниковъ. Есть, однако-же, сердца, словно сдѣланные изъ особаго матеріала, на которыхъ то, что однажды отпечаталось, остается уже навсегда неизмѣннымъ. Одинъ только разъ полюбивъ въ жизни, имѣя одно только существо, на которое пилилъ всю силу любви, къ которому привязанъ былъ послѣднимъ звеномъ, Ермола чувствовалъ всю незамѣнимость потери пріемыша.

Невозможно описать тоски, съ которой старикъ смотрѣлъ на экипажъ, увозившій Родіона. Это не было ни бѣшеное отчаяніе, ни порывистый гнѣвъ, но что-то медленно убивающее, подобно яду, усыпляющее, словно морозъ въ горахъ. Заплаканные глаза высыхали тотчасъ, но глаза, устремленные въ одно мѣсто, становились неподвижны. Онъ ничего не слышалъ, ни о чемъ не думалъ, въ головѣ его вилось что-то неподвижное, какой-то черный клубокъ порванныхъ и грязныхъ нитокъ. Утративъ силу воли, дѣятельность, почти сознаніе, онъ стоналъ, растянувшись на порогѣ, приподнявъ руки, и долго оставался въ этомъ положеніи.

Гулюкъ звалъ его, дергалъ за плечи, но старикъ не отвѣчалъ, какъ-бы не слыша, и добрый мальчикъ, видя бесполезность усилій, побѣждалъ къ казачихъ. Кума поспѣшила, гнѣваясь на Ермолу за его безразсудность.

— Настоящее дитя!—кричала она:—такой старый и такъ глупъ! Надобно бы радоваться судьбѣ Родіона.

И, завидя Ермолу, казачиха начала бранить его, но съ боязнью убѣдилась, что старикъ, хоть и долженъ былъ бы ее услышать, однако, не поднялъ голову и не подалъ признака жизни. Взоръ его былъ устремленъ на деревья, губы отвисли, голова опустилась, протянутыя руки заостенѣли.

Казачиха принялась его, по-своему, приводить въ чувство, дергая за руку и произнося ругательства.

— Ты совсѣмъ съума спятилъ, старый дурень! Вѣдь Родіона взяли не съ тѣмъ, чтобы зарѣзать. Ты его снова увидишь! Перекрестись!.. Грѣхъ...

Долго возилась она, пока старикъ пришелъ въ себя: сперва онъ началъ стонать, плакать, произносить невнятные выраженія и, наконецъ, опомнился.

— Ничего,—сказалъ онъ:—все кончено, нѣтъ моего Родіона. Есть паничъ въ Малычкахъ, но сына у меня нѣтъ и не будетъ.

И старикъ началъ бить гончарскія принадлежности, выбрасывая ихъ за двери.

— Для чего, къ чему мнѣ это?—воскликнулъ онъ.—Возвращусь къ прежней жизни и позабуду, что жилъ здѣсь Родіонко, что у меня былъ сынъ. Знаю я, что они изъ него сдѣлаютъ: разбалуютъ, испортятъ навѣки. Не найдетъ уже ребенокъ для меня ни сладкаго слова, ни сердечнаго смѣха; онъ станетъ скучать о каменномъ домѣ, ему будетъ холодно въ хатѣ. Ермола сдѣлается для него ворчливымъ, непріятнымъ старикомъ. О, глупо я сдѣлалъ, что не ушелъ съ нимъ далеко отсюда, гдѣ не нашли бы насъ и не могли бы отвять у меня сына.

Пожимая плечами, слушала казачиха, ввертывая иногда слово-другое, но не мѣшала Ермолѣ, зная, что большому горю непременно надо дать выплакаться и высказаться. На каждомъ шагѣ старикъ встрѣчалъ въ хатѣ какой-нибудь предметъ, напоминавшій ему Родіона: тамъ покинутая старая свитка, тамъ маленькій горшечекъ его работы, первый муравлений, который сдѣлалъ Родіонко, тамъ полѣсская шапочка, вышитая красными шнурками, лавка, на которой любилъ мальчикъ сидѣть въ уголкѣ, его любимая миска, козленокъ, который мычалъ, тоскуя о Родіонѣ.

— О, здѣсь хоть голову разбить о стѣну!—воскликнулъ Ермола.— Я не могу жить здѣсь, безъ него. Мнѣ кажется, что мой мальчикъ умеръ.

Напрасно казачиха ожидала, что старикъ успокоится, и, видя безуспѣшность своихъ совѣтовъ, послала Гулюка за Оедькой, который тотчасъ-же и явился къ старому пріятелю. Оедько зналъ, въ чемъ дѣло, и, рассчитывая, что водка—самое лучшее утѣшеніе и лѣкарство въ подобныхъ случаяхъ, захватилъ съ собою полную бутылку. Сначала онъ началъ шуточками, потомъ перешелъ къ сравненію отцовской любви со своею привязанностью къ пѣгашкѣ и, наконецъ, не зная, что больше дѣлать, поставилъ на столъ водку.

Глаза Ермолы заблестали, при видѣ бутылки, онъ схватилъ ее и жадно выпилъ, не переводя духа.

Но есть сильныя потрясенія въ жизни человѣка, когда на него не имѣютъ вліянія самыя сильныя средства, имѣющія извѣстныя послѣдствія въ нормальномъ положеніи: человѣкъ могъ бы бороться съ голодомъ, холодомъ и ядомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Случалось, въ сраженіяхъ люди выпивали такое количество спирту, что, кажется, должны бы упасть замертво, а они исполняли свои обязанности. Такъ было и съ Ермолкой: онъ хотѣлъ упиться и не могъ, ему казалось, что проглотилъ онъ воду, даже не почувствовавъ присутствія горѣлки.

— Ну, да и голова же у него!—сказалъ шопотомъ Оедько, съ нѣкотораго рода уваженіемъ: вѣдь это штофъ чистаго пѣннику.

— Это не голова, а большое горе, — отвѣчала тоже потихоньку казачиха, — дай ему теперь ведро, не упоишь: печаль вытрезвить.

Добрые люди хотѣли, наконецъ, увести его къ сосѣдкѣ, но не уговорили: старикъ усѣлся на порогѣ, задумался, вперилъ глаза въ группу деревъ и остался въ этомъ положеніи. Оедьку требовало спѣшное дѣло: надо было поить пѣгашку, у казачихи въ это время доились коровы, да и пришла пора думать объ ужинѣ, такимъ образомъ разошлись пріятели.

Оставшись наединѣ съ Ермолкой, бѣдный Гулюкъ залился слезами.

Степнѣло совершенно, а старикъ не трогался съ мѣста; онъ вздремнулъ, его сломило горе. Но вскорѣ проснувшись, въ испугъ Ермола сѣлъ неподвижно на порогѣ. Гулюкъ хоть и боролся со сномъ, однако присматривалъ за хозяиномъ.

Часу въ одиннадцатомъ что-то мелькнуло передъ хатой и Гулюкъ, обладавшій кошачьимъ зрѣніемъ, тотчасъ узналъ Родіона, подходившаго со стороны Малычекъ. Ермола не видѣлъ его, но угадалъ сердцемъ, привсталъ, оглянулся и вскрикнулъ:

— Родіонко!

— Я, тятя.

— Ты, милое дитя! Да наградить тебя Богъ, ты оживилъ меня, потому что я умеръ бы непременно. Но какъ-же ты пришелъ? Пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ, тятя, развѣ же я не знаю дороги? Развѣ я боюсь ходить ночью?

— Одинъ?

— Съ палкой.

— И тебя отпустили?

— Я не спрашивался. Когда уложили меня спать, мнѣ такъ стало скучно, что я не могъ сомкнуть глазъ и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не пошелъ къ вамъ. Утромъ догадуются, гдѣ надо искать меня.

Обнимая мальчика, старикъ ожилъ и совершенно пришелъ въ себя.

— Гулюкъ! — вскрикнулъ онъ сильнымъ голосомъ. — Родіонъ озябъ, можетъ быть его заморили голодомъ, поскорѣ огня въ печку. Да нѣтъ ли чего поѣсть? И у меня пусть желудокъ. Пойдемъ въ хату.

— Не диво, — отвѣчалъ Гулюкъ: — вы цѣлый день ничего не ѣли.

— Да, правда.

— Я самъ и огня разведу и приготовлю ужинъ, — сказалъ Родіонъ, — позвольте услуживать вамъ по прежнему.

— О, нѣтъ, дитя мое, садись возлѣ меня: завтра тебя снова отымутъ... Но тебѣ здѣсь холодно, пойдемъ лучше въ хату.

Когда Гулюкъ растопилъ печь и освѣтилась внутренность хаты, Ермола замѣтилъ, что, хотя Родіону не успѣли еще

сдѣлать новаго платья, однако родители немного уже переодѣли его. Мать нашла ему тонкую рубашечку, повязала на шею цвѣтной платочекъ, расчесала и убрала свѣтлорусые волосы, подпоясала шелковымъ поясомъ, дала отцовскую шапку и набрызгала какими-то духами. Переодева эта въ нарядѣ приемыша показалаась Ермолѣ знакомъ отступничества, неволи, онъ вздохнулъ, смотря на Родіона, хотя и сознавалъ, что мальчикъ казался гораздо лучше.

Наступило молчаніе, потому что старикъ, смотря на Родіона, задумался, представляя себѣ печальную свою будущность. «Завтра пріѣдутъ за мальчикомъ и снова его отымутъ и бѣдняжка уже не будетъ въ состояніи уйти ко мнѣ, потому что приставятъ сторожа», — думалъ Ермола; — «кто знаетъ, можетъ быть и теперь взыщутъ съ него за то, что навѣстилъ стараго отца».

— Что же, тебѣ тамъ лучше было? — спросилъ онъ набоинецъ Родіона. — Утѣшь меня хоть тѣмъ, что у нихъ тебѣ хорошо.

— Хорошо, но скучно, — отвѣчалъ мальчикъ. — Трупъ лежитъ на столѣ, ксендзы поютъ въ большой горницѣ, но мать сидѣла со мной, разговаривала цѣлый день, обо всемъ расспрашивала. Я долженъ былъ рассказывать ей о нашемъ житѣ, а она складывала руки и безпрестанно благодарила Бога и васъ, тятя. Кормили меня, цѣловали, хотѣли переодѣть тотчасъ-же, насили упрости; послали, однако, за портнымъ, сшить мнѣ новую одежду. Отецъ говорилъ (имя это, данное пану Дружинѣ Родіономъ, грустно отзывалось въ ухахъ Ермола), что найметъ мнѣ учителя и подаритъ прекрасную лошадку.

— Дай Богъ, чтобы тебѣ тамъ было хорошо! — воскликнулъ старикъ, — и нѣтъ сомнѣнія, они будутъ любить тебя. Но не разъ ты востоскуешься о нашей хатѣ, о тѣхъ дняхъ, которые счастливо провелъ подъ соломенной кровлей.

Цѣлую ночь провели бы безъ сна, если-бы старикъ не боялся за мальчика; уложивъ истомленного Родіона, онъ остался на-сторожѣ.

Рано утромъ пріѣхалъ панъ Дружина и хоть не бранилъ мальчика, но сдѣлалъ ему выговоръ за неосмотрительность его,

которая обезпокоила и испугала мать. Родіонъ смутился и промолчалъ.

— А чтобъ это не случилось впередъ, — сказалъ панъ Янъ, — то мы возьмемъ съ собой Ермолу въ Малычки; въ домѣ есть порядочная комната, онъ будетъ жить съ нами, и мы постараемся успокоить его на старости.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ Ермола, качая головою, — я не пойду къ вамъ. Люблю Родіона, но не въ состояніи удалиться отсюда. Тяжело уже мнѣ при старости жить на чужомъ хлѣбѣ, я привыкъ быть хозяиномъ у себя въ домѣ. Тамъ я надобѣлъ бы скоро, кто-нибудь оскорбилъ бы меня словомъ... Это можетъ огорчить ребенка. . Слуги ваши не сѣмѣли бы полюбить пришельца, да и вамъ казалось бы, что дѣлаете мнѣ благодѣяніе. Нѣтъ, я останусь здѣсь, въ старой хатѣ.

Напрасны были всѣ увѣщанія пана Дружины: старикъ не поддавался, обнялъ Родіона, оплакивалъ его, удерживалъ и, наконецъ, благословилъ и ушелъ на порогъ ожидать смерти.

Дивны часто бываютъ людская доля и Божье предназначеніе: у одного нить жизни обрывается въ то время, когда судьба обвивается ее золотомъ, другому и болѣзнь и страданія, какъ ни селятся, не могутъ оборвать черной печальной нити. Ермола пережилъ разлуку — и не умеръ. Перенесъ онъ болѣзнь, вторично постарѣлъ, согнулся, сдѣлался молчаливъ, нахмурился, началъ новую эпоху жизни; но сохранившіяся силы вели его еще дальше: ему суждено было смотрѣть издали на воспитанника, мучиться и утѣшаться лишь воспоминаніями.

Съ удаленіемъ Родіона, старикъ бросилъ и гончарство, передалъ его Гулюку, который нѣсколько освоился съ ремесломъ, а себѣ оставилъ огородъ и уголь, занимаемый въ старые годы, раздѣляя свои досуги на двѣ части: на мечты въ хатѣ, гдѣ воспитывалъ своего Родіона и на посѣщенія казачихи, съ которой велъ долгія бесѣды.

Терпѣливо слушать его могла только одна эта старуха. Ихъ сближало положеніе: Ермола сожалѣлъ вмѣстѣ съ ней о Горпинѣ, которая, сдѣлавшись паньей, почти никогда не бывала у матери; казачиха тосковала съ нимъ о Родіонѣ. Такъ проводили они многіе часы у огонька, припоминая прежнее

счастливое время и хотъ объ иномъ разсказывали не менѣе ста разъ, но терпѣливо выслушивали, словно что-нибудь новое.

— Помнишь мою Горпину, какая она была красивая, какъ одѣнется въ церковь; теперь уже и узнать трудно: исхудала послѣ пятерыхъ дѣтей, не на своемъ панскомъ хлѣбѣ. О, нездоровый это хлѣбъ!

— А Родіонъ? — говорилъ старикъ: развѣ ему не лучше было въ сѣрой свитѣ, съ подобритой головкой?

Сперва Родіонъ, почти ежедневно, то одинъ, то со слугой, то съ отцомъ или матерью навѣщалъ стараго воспитателя; потомъ начали привозить его только по воскресеньямъ, послѣ еще рѣже... Впрочемъ, соскучившись опріемышѣ, старикъ, бывало, самъ плетется къ нему, опираясь на палку, чтобъ увидѣть его, хотъ издали на минутку.

Сперва тоже и Родіонъ, чуть, бывало, завидитъ Ермолу, тотчасъ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу, и ничто не могло удержать его. Потомъ старикъ долженъ уже былъ ожидать его нѣсколько минутъ; чѣмъ дальше, тѣмъ ожиданія эти дѣлались продолжительнѣе, а случалось и такъ, что напрасно старикъ ждалъ и совсѣмъ не могъ видѣть приемыша и уходилъ со слезами. Его отиравали въ людскую, потчивали, но старикъ не требовалъ пинци, ему необходимо было насмотрѣться на приемыша: только это одно могло насытить его.

Ермола не жаловался; онъ очень хорошо зналъ, что это зависть не отъ мальчика, а отъ родителей и наставниковъ, которые всѣми силами старались отучить Родіона отъ названнаго отца; мальчикъ, напротивъ, шепталъ послѣднему, что съ радостью возвратился бы въ Попельню.

Скоро бывшій приемышъ его сдѣлался неузнаваемъ: завялъ и поблѣднѣлъ здоровый деревенскій мальчикъ, когда одѣлся въ панское платье, когда заперли его въ четырехъ стѣнахъ и начали кормить непривычной пищей; и хотя онъ росъ довольно шибко, но замѣтна была какая-то хилость, словно въ угломъ растеніи, которому опасенъ и небольшой вѣтеръ.

Встревоженные родители употребляли всѣ средства развеселить, поддержать его, нѣжили, лелѣяли, но чѣмъ больше берегли и кутали, тѣмъ больше мальчикъ ослабѣвалъ и блѣднѣлъ постепенно. Иногда во время уроковъ, среди материнскихъ

ласкъ, онъ вдругъ задумывался, на глаза наворачивались слезы, и, когда спрашивали, что съ нимъ, онъ, скрывая грусть, старался насильно улыбаться.

На сердцѣ мальчика лежали теперь тяжелымъ камнемъ и прежняя жизнь, и первые счастливые дѣтскіе годы, проведенные хоть и въ трудахъ, но на чистомъ воздухѣ, среди деревенскихъ забавъ, въ кругу сверстниковъ; быстрая перемѣна быта подѣйствовала на это бѣдное существо, точно также, какъ и пересадка на растеніе. Во снѣ даже грезились ему хата, и веселыя утра надъ гончарской работой, и прогулка въ лѣсъ, на рѣку, а, наконецъ, та свобода, на которой чувствовалъ онъ уже себя чѣмъ-то отдѣльнымъ, самостоятельнымъ. У родителей же онъ былъ связанъ: его снова обратили въ ребенка, окружили излишними заботами, тысячью предосторожностей и приостиновили развитіе воли.

Лишенный природы, воздуха, солнца, къ которымъ привыкъ съ колыбели, мальчикъ тосковалъ объ нихъ, также какъ и объ Ермолѣ.

Конечно, ему было хорошо у отца и матери, но онъ скучалъ о прежнемъ сиротствѣ, и, наконецъ, организмъ не выдержалъ этой непрерывной, внутренней борьбы: мальчикъ видимо, началъ ослабѣвать постепенно.

Не понимая настоящаго положенія сына, родители не лѣчили, но растрavляли рану; они приписывали упадокъ духа въ мальчикѣ вліянію старика и старались, какъ можно, отдалить Ермолу отъ Родіона, что было несправедливо и, вмѣстѣ, неразумительно.

Чѣмъ заботливѣе отдаляли старика, тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему Родіонъ, потому что, кромѣ искренней любви, мальчикъ чувствовалъ еще и сожалѣніе къ старику и мучительно сознавалъ неблагодарность родителей относительно послѣдняго. Онъ не могъ откровенно говорить съ отцомъ, наслѣдовавшимъ отчасти характеръ ротмистра; а матери не нравилась эта упорная привязанность къ воспитателю, къ которому она ревновала сына, и мать упрекала его, какъ за какой нидѣ грѣхъ, за эту привязанность.

Вскорѣ измѣнилось положеніе Родіона, вслѣдствіи новаго событія: семейство увеличилось однимъ членомъ, маленькимъ

Владиславомъ, на котораго родители перенесли всю почти нѣжность, питаемую къ первому сыну, постепенно показывая послѣднему равнодушіе и даже осыпая его укорами за любовь къ Ермолѣ. Молча, переносилъ все Родіонъ, глоталъ слезы, а внутренняя болѣзнь дѣлала свое дѣло.

Все это, взятое вмѣстѣ, должно было сломить ребенка, развивавшагося прежде на свободѣ, а теперь стѣсненнаго разными узами. Изъ веселаго мальчика Родіонъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, изъ откровеннаго—скрытнымъ и пугливымъ, а по ночамъ плакалъ о лѣтахъ, проведенныхъ въ полуразрушенной хатѣ. Сердце его разрывалось на части, при видѣ Ермолы, который пѣшкомъ, опираясь на палку, плелся изъ Попельни въ Малычки, останавливался у крыльца и, какъ милостыни, ожидалъ только свиданія съ пріемышемъ. Если дозволялось Родіону видѣться съ Ермолой; то всегда присутствовалъ надзиратель, наблюдавшій, чтобы мальчикъ не очень расчувствовался, не говорилъ бы много, не жаловался; свиданія эти сокращались по возможности; но очень часто мальчикъ только видѣлъ изъ окна, какъ долго стоялъ старикъ на крыльцѣ, какъ толкали его слуги, угоняли безъ жалости, и какъ, потомъ, бѣдный старикъ, уже въ сумерки, плелся домой, опустивъ голову и безпрестанно оглядываясь. Тогда сильно плакалъ и страдалъ Родіонъ, но болѣзнь его приписывали не безразсудному домашнему обращенію съ нимъ, а вліянію и присутствію Ермолы.

Тяжело и больно спуститься, такимъ образомъ, изъ друга и покровителя на степень голоднаго нищаго, ожидающаго на крыльцѣ милостыни; но старикъ не жаловался и не упрекалъ никого изъ боязни, чтобы не оттолкнули его окончательно. Но когда, раза два, не допустили его видѣть мальчика, старикъ сдѣлался упорнѣе и ожидалъ до тѣхъ поръ, пока не удавалось ему хоть на минутку видѣть Родіона. Видя постепенную бѣдность личика, тусклость глазъ, замѣчая ослабѣвшій голосъ мальчика, Ермола чувствовалъ иногда сильное негодованіе, но и подумать о какомъ-нибудь средствѣ спасенія не позволяли ему и безсильная старость, подкашивавшая ноги, и убожество, и презрѣніе, не только пановъ, но и дворовой челяди.

Такъ шли дѣла все хуже и хуже.

Занятая постоянно Владиславомъ, мать сердилась на старшаго сына, отецъ дѣлался суровымъ съ нимъ, но это не повело ни къ чему; наконецъ, родители опомнились, удвоили нѣжность и пригласили медиковъ. Одинъ даже напалъ на спасительную мысль и посовѣтовалъ побольше свѣжаго воздуха и движенія, другой, замѣтивъ грусть, предписывалъ моральныя средства: но вина всетаки падала на Ермолу, и онъ считался причиною болѣзни.

Раздосадованный и испуганный, панъ Янъ долго боролся съ собою и рѣшился, наконецъ, разъ и навсегда отдѣлаться отъ докучливаго старика.

Однажды утромъ Ермола, который уже недѣли три, какъ видѣлъ Родіона только въ окно, прилетаясь ежедневно въ Малычки, прошелъ дворъ, отбился отъ собакъ, которыми травили его мальчишки и, сталъ, молча, на крыльцѣ, какъ нѣкогда Лазарь у двери богача. Наученные слуги хотѣли отогнать его, но онъ воспротивился и не ушелъ. Такъ прошло время до полудня, пока Яну не надоѣла фигура старика, торчавшая передъ нимъ, какъ упрекъ совѣсти; панъ Дружина самъ вышелъ на крыльцо.

— Я вижу тебя здѣсь уже нѣсколько дней, любезный, — сказалъ онъ сурово и сядя на лавкѣ: зачѣмъ ты такъ упорствуешь? Зачѣмъ смущаешь нашего сына? Скажи, чего желаешь, но не тревожь домашняго спокойствія. Говоришь, что любишь ребенка, а мучишь его. Видь твой его тревожить и не даетъ мальчику привязаться къ родному отцу и матери: ты долженъ былъ разсудить объ этомъ. Такимъ способомъ, ты ничего не получишь: скажи лучше, что тебѣ надобно?

— Но мнѣ, вельможный панъ, ничего не надобно, я хочу только видѣть и благословить Родіона, — отвѣчалъ Ермола бротно и тихо.

— Именно пора, чтобъ ты себѣ выбилъ изъ головы: ты выкормилъ, досмотрѣлъ его, мы хотѣли вознаградить тебя; теперь все кончено, дитя возвратилось къ родителямъ, дай-же спокойно жить съ нами. Любишь, а мучишь.

— Я мучу, панъ?

— Ты! Посмотри, что съ нимъ дѣлается, какъ онъ по-блѣднѣлъ, исхудалъ.

— Я, я?—повторилъ Ермола болѣзненно.

— Конечно, не мы.

— Нѣтъ, вы замучили его, — воскликнулъ старикъ энергически: у меня онъ былъ здоровъ и свободенъ, а вы заперли и заморили его. Дитя любить меня, потому что иначе не было бы у него сердца, а вы научаете его неблагодарности.

— Ты съ ума сошелъ, старикъ?—закричалъ въ гнѣвъ панъ Дружина: ты смѣешь мнѣ говорить такія вещи. Вонъ сію же минуту, и чтобъ нога твоя никогда не была у меня въ домѣ.

Ермола остолбенѣлъ, задрожалъ, хотѣлъ говорить и не находилъ словъ.

— Выгоняете меня, — проговорилъ онъ наконецъ, — хорошо, я пойду и нога моя не будетъ у васъ въ домѣ; но помните, что какъ вы отняли у меня ребенка, такъ справедливый Богъ отыметъ его у васъ...

Бросивъ это страшное проклятіе, Ермола почти безъ сознанія сбѣжалъ съ крыльца и прошелъ дворъ, не оглянувшись ни разу. Мать Родіона, которая спѣшила уговорить мужа, услыхавъ это проклятіе, испугалась и болѣзненно вскрикнула. Панъ Янъ опомнился поздно и почувствовалъ свою вопіющую несправедливость; пророческія слова поразили его въ сердце. Ушедшій старикъ былъ для него упрекомъ. Не зная что начать, панъ Дружина бросился во внутреннія комнаты, но жена почти безъ чувствъ упала ему на руки. Они тотчасъ-же хотѣли послать за Родіономъ, чтобы онъ догналъ старика и примирилъ ихъ съ Ермолою, но, когда вышли въ сосѣднюю комнату, мальчикъ лежалъ блѣдный и холодный, а пока привели его въ чувство, Ермола былъ уже далеко.

Вечеромъ бѣдный старикъ приплелся къ старой казачихѣ погоревать и пожаловаться, потому что за путешествіями въ Малычки не былъ уже у ней цѣлую недѣлю. Онъ не зналъ, что казачиха болѣла и только взойдя на дворъ замѣтилъ, что окна были вынуты, среди хаты стоялъ гробъ, а у порога стояли люди и причтъ въ облаченіи.

Словно пробудясь отъ сна, онъ посмотрѣлъ на окружающихъ, сталъ на колѣни и началъ молиться.

— Не стало и ея! Не стало! Пора умирать!—сказалъ онъ,

окончивъ молитву и чувствуя какую-то зловѣщую дрожь,—но надобно проводить покойницу на кладбище и бросить горсть земли на ея могилу.

Молча, опираясь на палку, поплелся за похоронной процессіей, на которой не было ни дочери, ни зятя, а только дальніе родственники и чужіе люди.

Кладбище лежало между дворомъ покойницы и Ермоловой хатой, туда потянулася процессія, зажженные свѣчи которой казались длинною блестящею полосой и озаряли развѣвавшіеся хоругви. Ѳедоръ давно приготовилъ могилу; возлѣ нея лежала куча желтой глины. Опустили казачиху въ яму, и всѣ бросили ей по горсти земли въ знакъ послѣдняго прощанія.

Исполнивъ этотъ обрядъ, Ермола машинально пошелъ къ своей хатѣ.

На порогѣ сидѣлъ Гулюкъ, преданный мечтамъ, который считалъ уже себя почти хозяиномъ, и, хоть добрый парень, смотрѣлъ на старика, словно на помѣху. Ему казалось, что если-бы не Ермола, онъ могъ бы огородъ и гончарскую печь взять на себя; жениться на Присѣкѣ *) и сдѣлаться хорошимъ ремесленникомъ.

— Развѣ не присылали отъ казачихи, какъ заболѣла?—спросилъ старикъ.

— Какъ-же! Она раза три присылала Ѳедора, хотѣла видѣться и что-то сказать вамъ, но васъ не было.

— Га! Она сказала уже свое послѣднее слово!—произнесъ какъ-то равнодушно Ермола, входя въ хату: ничего говорить дальше. Все кончено! Все кончено!

И Ермола, ходя изъ угла въ уголъ, повторялъ это выраженіе, потомъ усѣлся на лавкѣ и задремалъ, а Гулюкъ вышелъ, пожимая плечами.

— Что это дѣлается со старикомъ!—ворчалъ онъ самъ себѣ: пошелъ бы съ сумою и дѣло съ концомъ. Я женился бы на Присѣкѣ—и все было бы хорошо, а пока онъ сидитъ здѣсь, нельзя и подумать объ этомъ. Бѣда—просто.

Въ этой избушкѣ, въ которой втеченіи столькихъ лѣтъ все было чисто и опрятно, теперь господствовали безпорядокъ и

---

*) Евфросинья.

опустошеніе: видно было, что никто о ней не заботился. Часть утвари пораздавалъ самъ Ермола, часть Гулюкъ перенесъ въ другую избу, а остальная лежала покрытая пылью и соромъ. Въ печи давно не было огня, а возлѣ печи ни дровъ, ни прочихъ хозяйственныхъ принадлежностей: вездѣ валялись шелуха и куски битой посуды. Старикъ уже и этого словно не замѣтилъ. Проснувшись рано, повидимому, онъ имѣлъ желаніе за что-нибудь приняться, но ему все показалось грустнымъ, отравленнымъ, самое мѣсто такъ ненавистнымъ, что первый разъ подумалъ онъ покинуть его навѣки.

Онъ не могъ выйти за порогъ, чтобы не видѣть дубовъ, подъ которыми нашелъ онъ ребенка, окрестности, гдѣ весело игрывалъ Родіонъ. Воспоминанія эти были еще слишкомъ живы и черезчуръ тягостны, чтобы старику перенести ихъ, безпрерывно сталкиваясь съ ними.

— Пойду потихоньку по міру, — подумалъ онъ: Богъ да проститъ мнѣ. Пойду по міру, отъ церкви до церкви молиться за Родіона. Что-же мнѣ здѣсь дѣлать? Нѣтъ мѣста для меня, нѣтъ пріятелей: суму на плечи, палку въ руки и по міру. Я ни на что больше не пригоденъ.

Старикъ нашелъ немного скопленныхъ денегъ на случай смерти, чтобы было на погребеніе, накинулъ верхнюю одежду, взялъ платокъ, повѣсилъ суму черезъ плечо и кликнулъ Гулюка.

Увидѣвъ Ермолу въ нищенской одеждѣ, парень вздрогнулъ при неожиданномъ осуществленіи своей мысли; сердце у него забилося, онъ пожалѣлъ старика и не хотѣлъ уже ни жены, ни хозяйства.

— Вотъ я и собрался по міру, — сказалъ тихо старикъ: оставляю тебѣ все, что у меня было. Живи съ Богомъ и будь счастливъ на этомъ мѣстѣ, но дай Богъ, чтобы твое счастье длилось долѣе. Все, что здѣсь есть — твое, а если случится когда-нибудь, зайду, ты не откажешь мнѣ въ уголкѣ и кускѣ хлѣба. Недолго уже мнѣ шлаться и надобѣдать людямъ.

Расплакавшись, Гулюкъ упалъ къ ногамъ его, потому что для сироты была большимъ подаркомъ и эта жалкая утварь; парню жаль стало Ермолу.

— Какъ? Вы уже идете?

— А что же я здѣсь буду дѣлать? Казачиху отнесли на кладбище, Оедько лежитъ больной и, можетъ быть, не встанетъ: нѣтъ въ деревнѣ пріятелей, нѣтъ моего Родіона, нѣтъ его...

Отеревъ слезы, наворачнувшіяся на глаза, вышелъ, и ему показалось, что все закружилось вокругъ него. Гулюкъ видѣлъ, какъ переходилъ онъ деревню, какъ лаяли уже на него собаки, которые прежде знали хорошо, и потомъ какъ поплелся онъ къ лѣсу и исчезъ на дорогѣ въ мѣстечко!

XII.

Дня черезъ три, когда Родіонъ заболѣлъ сильнѣе, лѣкаръ, узнавъ его прошедшее, прямо сказалъ родителямъ, что необходимо отдать его старому Ермолѣ на нѣкоторое время, пока дитя придетъ въ нормальное состояніе. Панъ Янъ съ женою, взявъ мальчика тотчасъ-же повезли его въ Попельню. Но каково же было ихъ удивленіе и печаль Родіона, когда не застали дома старика и узнали, что онъ пошелъ по міру искать не куска хлѣба, но забвенія прошлаго.

Наконецъ, это тяжелое и благородное горе старика тронуло родителей, поздно сознавшихъ свою ошибку, а еще болѣе пораженныхъ плачемъ и отчаяніемъ сына о воспитателѣ. Во всѣ стороны разосланы были гонцы за Ермолюю, а когда его нигдѣ не нашли, родители, оправаясь отъ перваго впечатлѣнія, даже были нѣсколько довольны, что старикъ не будетъ уже ихъ беспокоить и, мало-по-малу, исчезнетъ изъ памяти мальчика.

Между тѣмъ Родіонъ, носившій въ семействѣ имя Юлія, угасалъ, окруженный нѣжностью и заботами; ничто не забавляло его, онъ не жаловался, но былъ грустенъ, старался улыбаться, но, видимо, тосковалъ и постепенно чахъ, подтачиваемый какою-то неопредѣленною болѣзнію. Временно только развлекался онъ, когда отпускали его одного въ садъ, въ лѣсъ или позволяли прокатиться верхомъ; но изъ боязни за мальчика родители рѣдко позволяли ему подобныя развлечения.

Сперва блуждалъ Ермола съ горемъ отъ села до села, отъ церкви до церкви, молился, перемѣняя мѣста, силился привыкнуть

къ страннической жизни, всегда разнообразной, подверженной тысячамъ событій и неудобствъ, имѣющей свои пріятности для человѣка—сироты,—которому опротивѣлъ домашній уголь. Но за нимъ повсюду слѣдовало неотступное горе—воспоминанія о разбитыхъ надеждахъ и о миломъ пріемышѣ.

Если-бы еще хотъ мальчикъ былъ счастливъ, но Ермола и во время краткихъ свиданій съ нимъ убѣдился въ противномъ. Родіонъ со слезами вспоминалъ о Попельнѣ, о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ за гончарскимъ станкомъ, и не разъ вырывалось у него многозначущее выраженіе: «О, если-бы все это могло возвратиться!»

Старикомъ овладѣвало постепенно возраставшее беспокойство, когда ему представлялась мысль, что родители, приучая мальчика къ новому быту, уморятъ его излишней заботливостью или суровымъ, холоднымъ обращеніемъ.

Отецъ и мать любили Родіона, но любовь ихъ не походила на привязанность Ермолы: привыкнувъ сами къ суровости ротмистра, они скрывали чувство подъ холодной наружностью, не умѣли обходиться съ ребенкомъ, не умѣли дѣйствовать на него словами, потому что не вынянчили его отъ колыбели. Родіонъ скорѣе боялся ихъ, нежели понималъ. Однимъ словомъ, названный отецъ былъ для него роднымъ, а родной только названнымъ.

Чѣмъ далѣе отходилъ старикъ отъ Попельни и Малычекъ, тѣмъ сильнѣе подмывало его возвратиться на родину. И вотъ, однажды, неожиданно для себя поворотилъ онъ на дорогу къ Малычкамъ, рѣшась увидѣть еще разъ, хоть издали, Родіонка или, по крайней мѣрѣ, узнать о немъ. На этотъ разъ ноги служили удивительно, никогда онъ не чувствовалъ такой легкости, и, хотъ ему предстояло верстъ пятнадцать, однако онъ сдѣлалъ ихъ въ одинъ день и къ вечеру очутился въ Малычкахъ. Ему надо было пройти всю деревню, чтобы достигнуть корчмы, гдѣ, правда, онъ боялся быть узаннымъ, но долженъ былъ искать ночлега. Поровнявшись съ хатой гончара Прокопа, старикъ удивился опустошенію: огородъ былъ почти безъ ограды, груша, подъ которой стояла печь, засохла, да и самая печь, поросшая бурьяномъ, представлялась какимъ-то старымъ пожарищемъ. Въ хатѣ, повидимому, никто не жилъ, потому что она была безъ оконъ,

крыша ободрана, стѣны опускались въ землю, и дверь была подперта колышкомъ снаружи. Впрочемъ, это случилось весьма обыкновенно: дочь Прокопа вышла замужъ въ другую хату, мужъ ея, хотя и владѣлъ обѣими усадьбами, но жилъ на своей,— внаймы отдать было некому и хата Прокопа опустѣла совершенно послѣ полугодического въ ней пребыванія извѣстной сосѣдки.

И страшная мысль пришла въ голову Ермолѣ.

— Что, если-бы мнѣ нанять ее какъ нибудь и здѣсь поселиться! — подумалъ онъ: можетъ быть, удалось бы, хоть изрѣдка, увидѣть Родіона. Кому тамъ какое до меня дѣло! Да меня и не узнали, и не замѣтили бы. Я хоть по ночамъ прокрадывался бы подъ окно моего мальчика.

Слезы навернулись ему на глаза, онъ остановился и началъ вспоминать стараго Прокопа, когда послышался женскій голосъ изъ огорода, гдѣ въ это время выбирали коноплю.

— А что это вы, дѣдушка, остановились среди дороги, еще кто-нибудь васъ переѣдетъ: развѣ не видите, что повозки спускаются подъ гору?..

Ермола взглянулъ и узналъ дочь Прокопа, Настю, которая, вдвоемъ съ дѣвушкой работала въ огородѣ; но она не узнала его. Заклучивъ изъ голоса, что Настя должна быть добрая женщина, старикъ подумалъ и подошелъ къ ней ближе.

Эта была молодница въ цвѣтѣ лѣтъ и здоровая, красивая, большого роста, можетъ быть, полна немного, но могшая служить типомъ хорошенькой крестьянки, живымъ румянцемъ съ черными глазами, съ малиновымъ ротикомъ, она дышала веселостью, свободой и силой, а бѣлизна зубовъ, выказывавшихся при каждой улыбкѣ, казалась еще рѣзче при нѣсколько загорѣломъ цвѣтѣ лица. Была это, дѣйствительно, добрая жалостливая женщина, немножко вѣтреная, но отличная хозяйка: любила она поохотать и повеселиться, но не преступала обязанностей ни вѣрной жены, ни заботливой матери. Мужъ ея, сынъ самого богатаго въ селѣ хозяина Колесника, небольшой, сухощавый, слабый человѣкъ, слушался ее, какъ матери, и боялся какъ огня, страстно любилъ ее и готовъ былъ хоть на ножи за свою Настю.

— Не узнали вы меня, Настя, — сказалъ подходя старикъ: я вѣдь Ермола, старинный вашъ знакомый, что учился гончарству у покойнаго отца вашего Прокопа.

— Какъ? Это вы? Нищій съ сумой! Что же съ вами стало? У васъ былъ въ рукахъ кусокъ хлѣба! Развѣ старость...

— О, долго пришлось бы рассказывать! Конечно, вы знаете, что я воспиталъ вашему пану сына.

— Объ этомъ всѣ говорятъ.

— У меня его отняли.

— Да вѣдь это-же ихъ дитя, а не ваше.

— О, нѣтъ, Настенька, оно и мое отчасти! А теперь мнѣ не позволяютъ и смотрѣть на него, словно бояться, чтобы я, Боже сохрани, не слазилъ. Надоѣла мнѣ жизнь: сюда не пускаютъ, въ Попельнѣ одному скучно, потому что кума-казачиха умерла, вотъ я и пошелъ по міру.

— Бѣдный старикъ! Вамъ такъ стало грустно объ мальчикѣ.

— Это было мое, мое единственное дитя, и его у меня отняли!.. Оно начало сохнуть, слабѣть, и Богъ знаетъ, что съ нимъ будетъ. Мнѣ даже не позволяютъ видѣться съ нимъ!.. Скажите же сами, есть-ли у нихъ совѣсть! Самъ панъ выгналъ меня и сказалъ, чтобы нога моя не была у него въ домѣ.

— Можетъ-ли это быть?

— Клянусь истиннымъ Богомъ!

— А! Значитъ, сказывается кровь ротмистра: будетъ такой же, какъ и отецъ,—проговорила Настя нѣсколько тише, осматриваясь.—Выгнать такъ своего благодѣтеля!

— Вотъ отчего я пошелъ по міру, а когда удалился отсюда, мнѣ такъ скучно о мальчикѣ, я и воротился, чтобы хоть взглянуть на него.

— И видѣли?

— Нѣтъ, еще только иду... И самъ не знаю, гдѣ преклонить голову.

— Заходите къ намъ.

— Спасибо, Настя, да наградить Богъ за это дѣтей твоихъ: не могу, боюсь, увидетьъ. Я не хочу, чтобы во дворѣ знали обо мнѣ: неудастся ли увидѣть мальчика. Но скажите, Прокопова хата такъ и стоитъ пустой?

— А что же? Она уже испортилась, послѣ солдатки некому было жить въ ней: какъ упадетъ, прибавится огородки.

— А пока упадетъ?

— Будетъ себѣ валиться понемногу.

— Если-бы вы позволили пожить мнѣ въ ней недѣлю, другую, я заплатилъ бы.

Настя разсмѣялась.

— За что платить? Напротивъ, вы еще окажете большую услугу моему Сидору, потому что онъ хотѣлъ бы поддерживать хату: если-бы кто нашелся присматривать за нею, она дольше постояла бы. Если вы думаете пожить здѣсь, я дамъ вамъ рамы; которыя мы вынули изъ боязни, чтобы не украсть кто-нибудь. Вотъ и дѣло съ концомъ!

— Неужели?—спросилъ обрадованный старикъ.

— А что-же больше!

— О, да наградить же васъ Богъ на томъ и на этомъ свѣтъ! Я не только исправлю и очищу вашу хату, но и отслужу чѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ будетъ здѣсь легче—въблизи моего мальчика: можетъ быть, узнаю о немъ.

— И прекрасно... Сидоръ будетъ радъ, вы довольны,—значить, и по рукамъ! Мнѣ все равно, да вы еще присмотрите и за огородомъ.

— Не только присмотрю, но и оплету, лишь-бы нашелся хворостъ.

— Дѣло!—сказала Настя, засмѣявшись.—Пойдемте же къ намъ ужинать; вы побалагурите съ Сидоромъ, возьмете окно и немного щепокъ протопить, потому что тамъ должно быть сыро, и переночуете уже въ своей хатѣ.

Сидоръ Колесникъ жилъ тутъ-же — огородъ съ огородомъ только въ другой улицѣ. По всему была замѣтна достаточность хозяина. Хата была большая; въ переднемъ углу стояли украшенные образа, столъ застланъ чистой скатертью, на которой лежалъ отличный выпеченный хлѣбъ, покрытый бѣлымъ ручникомъ; домашняя посуда новехонькая, словно только что съ базара, въ хатѣ порядочно, тепло и необыкновенно опрятно. Только самъ хозяинъ не походилъ ни на жену, ни на хату; блѣдный, худой, охрипый, съ завязанной щекой, съ больнымъ глазомъ и небритою бородою, онъ казался гораздо старѣ своихъ лѣтъ.

— Вотъ тебѣ старый Ермола,—сказала Настя мужу, который, сидя надъ печью, лѣчилъ зубную боль трубкой: онъ

берется жить въ отцовской хатѣ и общаетъ присматривать за огородомъ.

— Ермола! А! Помню. Какъ-же вы поживаете, дѣдушка?—говорилъ Сидоръ, поплеывая послѣ бакуна.—Что здѣсь подѣлываете?

Но Настя, обладавшая между прочимъ, и способностью краснорѣчія, не допустила старика до отвѣта и начала рассказывать исторію Ермола со всеми подробностями, а Сидоръ, какъ человѣкъ съ мягкимъ сердцемъ и подчинившійся вліянію жены, тотчасъ-же принялъ участіе въ старикѣ, посадилъ его возлѣ себя на лавкѣ и занялся разговоромъ.

— Чѣмъ вы больны?—спросилъ наконецъ Ермола, припоминая свои давнишнія лѣкарскія занятія:— Скажите, можетъ быть я помогу.

— Не знаю, щека ли болитъ, или зубъ. Началось съ одного порченнаго зуба, а теперь пошло по всему лицу и по головѣ, такъ что всюду рветъ и болитъ страшно.

— А не пробовали-ли вы хоть и гадкаго, но вѣрнаго лѣкарства: выкурить трубку дубоваго мху?

— Нѣтъ.

— Только этотъ мохъ надо выбирать умѣючи. А есть ли у васъ дубы?

— Полонъ дворъ.

Ермола тотчасъ же отправился, насбиралъ горсть мху, очистилъ его, засушилъ и набилъ имъ трубку бѣднаго Сидора. Закурилъ ее больной, но хатѣ распространился смрадный дымъ, такъ что Настя раскашлялась, но, вслѣдствіи лѣкарства или по другой причинѣ, Сидору стало легче, и хозяева не знали какъ благодарить Ермолу. У больного только начала пухнуть губа, но боль утихла.

— Пусть себѣ пухнетъ,—сказалъ Сидоръ, лишь-бы не болѣло,—а то пришлось уже такъ, что хоть лѣзь на стѣну.

Ермола приобрѣлъ себѣ друзей этимъ пустымъ обстоятельствомъ. Ему дали раму, охапку дровъ и лучины. Настя накормила и дала еще горшечекъ на завтра, и счастливый Ермола отправился въ новое жилище.

Ничего нѣтъ грустнѣе опустѣлой хаты: такъ и вѣтъ ото всюду трупомъ и смертью. Нѣсколько уже мѣсяцевъ никто не

жилъ въ хатѣ Прокопа, и она начала заростать плѣсенью и грибами; въ разсѣлинахъ зерна травъ и хлѣбовъ пустили хилые, желтоватые поростки, лишенные свѣжаго воздуха и свѣта, сырость сочилась сквозь стѣны; сѣрый мохъ обозначался по земляному полу, и множество червей заводилось уже въ развалинахъ. Но Ермолѣ все казалось хорошимъ, оживленнымъ близостью Родіона и, подкрѣпленный надеждой видѣться съ нимъ, онъ уже обдумалъ, какъ пособить горю. Придѣлавъ окно, онъ затопилъ печь, вымелъ полъ, вытеръ стѣны, отперъ дверь—и, приставивъ двѣ лавки, легъ на нихъ отдохнуть послѣ продолжительнаго пути по песчаной дорогѣ.

На другой день съ утра Ермола возился, приводя въ порядок хату, потомъ помогалъ Настѣ на огородѣ, а подъ вечеръ, зная хорошо расположеніе деревни, отправился къ двору пана Дружины. Изъ боязни быть узнаннымъ, онъ вышелъ въ сумерки и не отправился къ крыльцу, откуда его прогнали такъ безжалостно, но тихо, въ нищенской одеждѣ поплелся тропинкой, вившейся за садами. Тропинка эта, огибая горный дворъ, вела на другую сторону сада, откуда чрезъ прямую аллею видны были домъ и мѣсто, гдѣ преимущественно гулялъ Родіона. Мальчика выпускали одного, потому что садъ былъ обнесенъ заборомъ—и дитя не могло изъ него выйти. На этотъ разъ въ аллеѣ было пусто, и Ермола увидѣлъ только одного садовника сквозь щели частокола. Въ окнѣ у Родіона свѣтилось: старикъ посмотрѣлъ туда, вздохнулъ и отправился въ свое логовище.

Какъ-то Ермолѣ стало легче на сердцѣ, когда онъ очутился недалеко отъ Родіона. Онъ позанимался немного по хозяйству, закусилъ и легъ спать гораздо веселѣе обыкновеннаго. Настя не позабыла объ его ужинѣ: старикъ нашелъ тщательно закрытый горшочекъ съ кашей, которой могло хватить дня на два.

На другой день Ермола провелъ почти такимъ-же образомъ, потомъ ежедневно ходилъ къ панскому саду. Долго прогулки его были безуспѣшны, наконецъ, однажды увидѣлъ онъ Родіона, проходившаго по аллеяѣ близъ частокола. Старикъ кликнулъ его потихоньку, и мальчикъ остановился, какъ вкопанный.

— Родіонка! Подойди хоть на минуту ко мнѣ, Бога ради, и проговори одно слово.

При звукахъ столь знакомаго, хоть и сдержаннаго, голоса,

мальчикъ вздрогнулъ и въ минуту былъ уже на частоколѣ.

— Ахъ, тятя, это вы? Что вы здѣсь дѣлаете?

— Тише, тише! Не выдай меня. Я пришелъ къ тебѣ.

— Давно?

— Уже нѣсколько дней.

— Гдѣ-же вы живете?

— Въ Прокоповой пусткѣ... О, не выдавай меня: мы будемъ видѣться каждый вечеръ... Только, сынокъ, води себя осторожно.

Родіонъ весь раскраснѣлся; но въ саду раздался чей-то голосъ и Ермола исчезъ, а Родіонъ притворился, что влѣзъ на частоколъ, добираясь до гнѣзда на ближнемъ деревѣ.

Его за это побранили и отправили въ комнаты, изъ боязни, чтобы не простудился; никто, однако же, не замѣтилъ перемѣны въ Родіонѣ, который не спалъ до разсвѣта.

На другой день, Родіонъ весь день пробылъ въ саду. Вечеромъ припелся Ермола и, выбравъ мѣсто, гдѣ частоколъ сильнѣе расходится, онъ могъ удобнѣе поговорить съ своимъ пріемышемъ. Послѣ этой короткой бесѣды старикъ возвратился въ смущеніи и безпокойствѣ. Сердце его было счастливо, но боролось съ совѣстью. Родіонъ жаловался на томительную жизнь и заклиналъ взять его и уйти вмѣстѣ далеко отъ Малецкѣ.

Каждый день его родители болѣе и болѣе привязывались къ младшему сыну. Юлій, переставъ быть ихъ любимцемъ, дѣлался какой-то помѣхой; упрекая его за грусть, молчанье, болѣзнь и въ насмѣшку, называли мужицкимъ сыномъ.

— Какимъ-же образомъ я могу тебя взять съ собою?— говорилъ старикъ.— Вѣдь они твои родители, которые могутъ сказать, что я укралъ тебя. Ты привыкъ уже къ удобствамъ, а я не могу доставить ихъ тебѣ, да и куда-же мы скроемся? Насъ догонять, отыщутъ, а тогда и мнѣ и тебѣ будетъ гораздо хуже.

Но мальчикъ настаивалъ, а Ермола сопротивлялся постепенно слабѣе. Родители не любили Родіона, какъ любилъ его названный отецъ, и онъ не могъ жить въ родительскомъ домѣ. Ему не нужны были удобства, потому что онъ кралъ на кухнѣ

черный хлѣбъ, чтобы только вспомнить прежнюю счастливую долю, за что его бранили и упрекали ежедневно.

— Скрыться же, — говорилъ Родіонъ, — будетъ легко, если уйдемъ далеко-далеко, куда-нибудь въ неизвѣстный край, меня никто не узнаетъ, достать бы мнѣ только хоть старенькую крестьянскую одежду.

Сперва эта мысль обрадовала Ермолу, но вскорѣ его опечалили, какъ невозможность исполненія смѣлаго плана, такъ и укоры совѣсти.

— А если я умру, — думалъ онъ, — впродолженіи этого пути, какъ-же дитя останется безъ покровителя? Да и слѣдуетъ ли стрывать его отъ лучшей доли?

Старикъ упрекалъ уже себя за то, что пришелъ въ Мальчики и раздражилъ Родіона; онъ уже подумывалъ уйти навсегда изъ села и тѣмъ избавить и себя и мальчика отъ дальнѣйшаго мучительнаго испытанія.

Онъ хотѣлъ это исполнить, какъ можно скорѣе, чувствуя, что Родіонъ постепенно сильнѣе овладѣвалъ его волей; но вечеромъ, при свиданіи, вѣроятно выдали его или дрожавшій, полный слезъ голосъ или какое-нибудь неосторожное слово, потому что мальчикъ разстался съ нимъ хоть молча, однако, повидимому, съ какимъ-нибудь неизмѣннымъ рѣшеніемъ.

Тотчасъ-же, по возвращеніи въ хату, бѣдный скиталецъ началъ собираться въ дорогу и упаковывать свою суму при свѣтѣ лучины, какъ вдругъ дверь тихо отворилась и вошелъ какой-то мальчикъ въ сермягѣ. Старикъ сначала не узналъ его, но съ испугу забилося у него сердце. Передъ нимъ стоялъ Родіонъ, въ простой свиткѣ, украденной на кухнѣ. При видѣ мальчика, Ермола почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ и началъ ломать руки.

— Не бойтесь, тятя, это я собрался съ вами въ дорогу! — воскликнулъ мальчикъ, бросаясь къ нему на грудь. — Скорѣе только, скорѣе, пока не замѣтили моего бѣгства. Наберите хлѣба въ торбу и пойдемъ въ глубь лѣсовъ, завтра уже насъ не догонять. Гдѣ-нибудь далеко найдемъ хату, добрыхъ людей, берегъ рѣчки, хорошую глину и по-прежнему примемся лѣпить горшки, распѣвая пѣсни.

Старикъ не могъ выговорить ни слова.

— Дитя, дитя! Что ты сдѣлалъ?—прошепталъ онъ.

— А что-же я сдѣлалъ? Вчера еще отецъ, а прежде мать, упрекали меня, что я не достоинъ ихъ любви и попеченій; сто разъ повторяли: «ступай искать своего названнаго отца, котораго такъ любилъ, что и съ нами не можешь забыть его: съ насъ довольно и Владислава!» Это они сами говорили мнѣ.

Много надо было съ одной стороны силы привязанности, а съ другой—слабости, чтобы Ермола допустилъ уговорить себя на поступокъ, который по-просту называется воровствомъ; но невозможно было противиться Родіонку: мальчикъ умолялъ, плакалъ, становился на колѣни. Въ припадкѣ какого-то безумія старикъ схватилъ его за руку и выбѣжалъ изъ хаты.

Ночь была темная, но тихая и теплая. Деревня давно уже спала, изрѣдка только лаяли, проснувшись, собаки на завалинкѣ, молодой пѣтушокъ пѣлъ охриплымъ, невыработаннымъ голосомъ, да отзывались поочередно совы и филины, словно часовые. Молча прошли наши путешественники селеніе, очутились за околицей и, перекрестясь у изваянія *) на перекресткѣ, пустились по дорогѣ въ болото и заросли, а оттуда въ глубину лѣсовъ, которыми можно было достигнуть до самой Литвы. Изъ предосторожности надо было миновать дороги, но слѣдовать въ одномъ направленіи. Старикъ, блуждавшій прежде много на охотѣ, умѣлъ оріентироваться въ дебряхъ то по солнцу, то по лишаямъ, растущимъ на корѣ деревьевъ. Днемъ онъ не боялся, но полагалъ, что ночью трудно безъ дороги удержаться въ данномъ направленіи. Поэтому онъ выбралъ маленькую тропинку, ведущую къ дегтярнымъ печамъ, верстѣ за десять отъ Малычекъ, и рѣшился по ней слѣдовать до зари, а съ разсвѣтомъ пуститься уже къ сѣверу безъ всякой дороги.

Молча шли наши бѣглецы, шепча лишь потихоньку молитвы. Чѣмъ далѣе, Родіонъ оживалъ и не отставалъ отъ Ермолы, и когда они вступили въ пущу и со всѣхъ сторонъ окружила ихъ темнота, оба они вздохнули свободнѣе.

— Ахъ, тятя!—сказалъ Родіонъ: два, три, пять дней терпѣнія и усилій, и мы заберемся куда-нибудь далеко и можемъ быть спокойны, что никто не догонитъ и не узнаетъ насъ.

---

*) Распятіе, которое ставится на перекресткахъ и вообще по дорогамъ въ западныхъ губерніяхъ.

Я видѣлъ хлѣбъ въ торбѣ, намъ хватитъ настолько. Нѣтъ нужды заходить въ деревни, потому что вода есть вездѣ по лѣсамъ, въ источникахъ, значить, не умремъ ни отъ голода, ни отъ жажды. Днемъ будемъ отдыхать въ самыхъ густыхъ заросляхъ, а ночью и утромъ—идти дальше и дальше.

Видя, какъ все это казалось легко молодому, старикъ вздохнулъ и не сказалъ ни слова: ему не захотѣлось разочаровать мальчика, но онъ чувствовалъ, что скоро не хватитъ силъ у обоихъ, и что въ лѣсу ихъ могутъ встрѣтить тысячи препятствій.

Легко могъ каждый схватить ихъ, увидѣвъ пробирающихся неизвѣстныхъ людей безъ дороги, и представить становому. И мало-ли еще что приходило въ голову Ермолѣ, но онъ улыбался и слышалъ болтовню мальчика, съ которымъ такъ долго былъ въ разлукѣ: у него не хватало силы огорчать Родіона.

Страхъ погони придавалъ скорость нашимъ путникамъ, такъ что задолго еще до разсвѣта достигли они урочища «Смольной», гдѣ оканчивалась ихъ дорожка, а дальше шли въ глубь лѣса одни рѣдкіе слѣды колесъ, куда ѣздили только за лучиной. Ночь еще была темная, но идти трудно, и старикъ рѣшилъ отдохнуть, бывъ увѣренъ, что въ Смольную не отправилась за ними погоня. Добывъ углей и щепокъ, развели огонь, и Родіонъ весело улегся у ногъ Ермолы.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—не будутъ они долго ни искать меня, ни жалѣть обо мнѣ. Къ чему я имъ? Мы никогда не понимали другъ друга. У матери есть Владиславъ, у отца Владиславъ: имъ легче и веселѣе безъ меня будетъ въ домѣ.

Но мальчикъ вздохнулъ.

— Когда-нибудь, со-временемъ, позже,—продолжалъ онъ,—возвращусь я къ матери, но теперь тяжело мнѣ было жить тамъ. Я умеръ-бы съ тоски: меня запирали, ко мнѣ никто не относился такъ, какъ вы, ласковымъ голосомъ. Чтобы я ни сдѣлалъ, мнѣ всегда повторяли, что это по-мужицки, что такъ дѣлаютъ только мужики. Я мужикъ, а они паны. Жаль мнѣ Владислава, который улыбался мнѣ и протягивалъ ручонки.

— Милый сынъ,—отвѣчалъ Ермола,—не говори объ этомъ: они тамъ плачутъ и, можетъ быть, проклинаятъ меня. Ты раздираешь мое сердце, я много виноватъ предъ ними.

— Такъ будемъ говорить о Попельнѣ. Помните, тятя, наши горшечки, наши сборы съ Оедькомъ на ярмарки, и какъ мы были рады, когда намъ удалась полива.

— О, не воротится то время,—прервалъ старикъ.

— Почему-же не воротится? Я ничего не позабылъ. Хотя мнѣ и запрещали, однако я лѣпилъ себѣ горшки изъ глины, которую мнѣ приносилъ Иванчикъ, и поливу помню. Заложимъ новую печку, и увидите, какъ все пойдетъ хорошо.

Разговаривая подобнымъ образомъ, оба уснули, истомленные дорогой, а когда разбудила ихъ вьюга, свистѣвшая надъ логово, совершенно разсвѣло и туманъ подымался волнами.

Напоминаетъ еще первобытную эпоху внутренность пущъ нашихъ, хотя они мѣстами уже вырублены, выжжены, уничтожены: есть въ нихъ еще дикія, уединенныя мѣста, которыхъ едва коснулась людская нога, мѣста до того густыя, поросшія переплетенными растеніями, что пробраться сквозь нихъ почти невозможно. Дикій звѣрь тамъ готовится себѣ логовище и шумитъ только вѣтеръ межъ вѣтвями. Валящіяся отъ бури деревья, падая другъ на друга, гниютъ кучами, порослая мхомъ и кустарниками, а ихъ оплетаетъ дикій хмѣль и опоясываютъ высокіе бурьяны. Сквозь слои недогнвшихъ листьевъ то здѣсь, то тамъ пробивается ручеекъ, ведя за собой особенную растительность, слѣдующую только по его бережьямъ; кое-гдѣ онъ разливается шире, образуя трясины или болото, поросшее тростникомъ и осокой, то снова суживается и течетъ глубокими промоинами. Поперемѣнно попадаются то густая поляна, то прозрачный боръ, то молодыя поросли, то снова низины и болота. Но грустиѣ всего пространства, сквозь которыя прошелъ неосторожно пущенный лѣсной палъ, съ высокими законченными пнями, съ желтыми вѣтвями сосенъ, съ выжженными травами, хотя впоследствии растущими на пожарищахъ гораздо пышнѣе. Иногда, среди торжественной тишины, зашумитъ шалунья бѣлка, пролетитъ воронъ, каркая съ голода, или черный анстъ, обитатель самыхъ недоступныхъ дебрей, мелькнетъ пугливая коза, и снова пустыня погрузится въ молчаніе. Чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ рѣже встрѣчаешь слѣды человѣка: сначала то дорога, то тропинка, то протоптанный проходъ, срубленный пенъ или

на землѣ кучки желтыхъ щепокъ, гдѣ отесывали колоду; то опять шалашъ охотниковъ, которые подстерегали добычу, хата лѣсничаго, ровъ угольщиковъ, выжженная пастухами сосна; дальше только слѣды домашнихъ животныхъ, потомъ уже никакихъ слѣдовъ, потому что дикій звѣрь почти ихъ не оставляетъ, и надо имѣть очень опытный взглядъ, чтобы замѣтить слѣды дикаго звѣря.

Когда путники наши, на другой день, вступили въ глубь дебри, они уже рѣдко замѣчали присутствіе человѣка; тишина была глухая, но по-временамъ еще отдаленный стукъ топора заставлялъ ихъ обходить предполагаемую опасность. Направляясь постепенно къ сѣверу, старикъ руководствовался солнцемъ и мхами; во весь день никто не попался имъ навстрѣчу, а на ночь расположились они на сухомъ пригоркѣ, который такъ обросъ соснами и орѣшникомъ, что смѣло можно было разложить огонь, безъ боязни быть открытыми. Ермола рассчитывалъ, что Малышки далеко остались позади; на землѣ, въ сосновыхъ борахъ человѣческая нога не оставляла слѣда, и поэтому развѣ особый какой-нибудь случай могъ направить на нихъ погоню.

Измученные усталостью, Ермола и Родіонъ съ наслажденіемъ поѣли черстваго хлѣба, напились воды изъ источника, закусили печенымъ картофелемъ и улеглись у большого костра, ярко озарявшаго лѣсные своды. Родіонъ былъ веселъ, но молчаливъ; на него вредно подѣйствовали ночная сырость, продолжительный путь и боязнь погони. На сонъ грядущій пропѣлъ имъ дроздъ, пробужденный свѣтомъ костра прошумѣлъ перелетный вѣтеръ, пронесшійся по вершинамъ, и снова надъ ними и надъ пущей воцарилась торжественная тишина.

На третій день лѣса становились рѣже, деревья меньше, мѣстами даже шелъ кустарникъ, и земля дѣлалась постоянно влажнѣе. Путники чувствовали, что спускались словно въ долину, должны были обходить логовины. Здѣсь и тамъ показывались чистыя озера и неизмѣримыя болота, заросшія травами.

Невозможно было такъ идти далѣе въ избранномъ направленіи, но какъ хлѣбъ еще имѣлся въ запасѣ, и, повидимому, не предвидѣлось недостатка въ силахъ, старикъ рѣшилъ для

обхода трясинъ взять нѣсколько вѣв. Болѣе смѣлый Родіонъ хотѣлъ уже искать дороги, добраться до ближайшей деревни и явно идти въ глубь края, но Ермола еще боялся согласиться на это предложеніе. Такимъ образомъ, нѣсколько дней пробирались они рѣдкимъ лѣсомъ по сухимъ возвышенностямъ, и, когда, подъ вечеръ третьяго дня, расположились на отдыхъ, Ермола замѣтилъ сильную перемѣну въ мальчикѣ и въ испугѣ самъ рѣшился искать деревню.

Родіонъ едва уже тащился, — силы упали, и только воля еще поддерживала его на ногахъ. Отвыкнувъ отъ физическаго утомленія, казалось, онъ свалился и не встанетъ. Онъ былъ блѣденъ, задыхался, жаловался на круженіе головы и спалъ необыкновенно много и крѣпко. Надо было искать деревни, и, увидѣвъ недалеко покинутую избу, Ермола обрадовался и хотъ было еще далеко до вечера, онъ самъ притворился усталымъ, чтобы только имѣть предлогъ остановиться.

Мѣстность эта уже представляла другой характеръ: видѣвшіяся кое-гдѣ пахатныя поля и свѣже-срубленные деревья доказывали близость деревни; самый воздухъ, насыщенный дымомъ, свидѣлствовалъ о населенности края.

Старикъ нѣсколько успокоился, но, видя слабость мальчика, онъ не зналъ, что начать и гдѣ искать спасенія. Теперь только во всей своей силѣ оказалось опасное положеніе путниковъ. Поручая себя Богу, Ермола кое-какъ принялся устраивать въ углу строенія постель для Родіона, самъ подумывалъ пойти на развѣдки въ село, когда уснетъ мальчикъ. Дѣйствительно, ослабѣвшій Родіонъ напился только воды и не успѣлъ прилечь, какъ и погрузился въ глубокой сонъ. У старика тоже дрожали ноги, и кружилась голова; онъ чувствовалъ необходимость отдыха, но не смѣлъ предаться ему: опираясь на палку, пошелъ онъ осмотрѣться въ лѣсу и поискать деревни, которая, судя по всему, была недалеко.

И точно, вправо за молодымъ лѣсомъ, чернѣлось большое село, расположенное надъ озеромъ, усаженное высокими грушами, съ торчавшими журавлями колодцевъ, съ двумя куполами старыхъ церквей по обоимъ концамъ, съ небольшимъ домикомъ среди старинныхъ укрѣпленій, въ которомъ, повидимому, жилъ экономъ, а не самъ помѣщикъ. Всматриваясь

пристальнѣе, Ермола замѣтилъ, что это не была полѣско-волынская деревня, хотя край и походилъ на волынское полѣсье болотами и низинами. Убѣждали его въ разницѣ и другая постройка хатъ, и песчаные холмы, и озера, и посаженные возлѣ церковей ели: онъ догадывался, что зашелъ или въ Кобрыню, или въ окрестности Пинска. До села, однако-же, далеко, да и опасно оставлять одного мальчика въ лѣсу, и Ермола возвратился. Усѣвшись на порогѣ, оперся онъ на притолку и такъ уснулъ, поглядывая на Родіона, блѣдное лицо котораго казалось въ тѣни мраморнымъ. Старикъ, по временамъ, просыпался, прислушивался къ неровному дыханію мальчика и вновь шелъ на прежнее мѣсто, не бывъ въ состояніи противиться сну и усталости.

Огонь, поддерживаемый то листьями, то сухими вѣтвями, озарялъ хату до разсвѣта, а, когда занялась заря, успокоенный нѣсколько старикъ задремалъ хорошенько.

Когда онъ проснулся, надъ нимъ свѣтило ясное солнце, вокругъ утро дышало теплотою, а возлѣ него стояла среднихъ лѣтъ красивая, хоть блѣдная женщина, смотря на него съ какимъ то невыразимымъ удивленіемъ и даже грустью.

Высокаго роста черноглазая женщина эта была въ бѣломъ платьѣ, съ головой, повязанной платочкомъ, казалась шляхтянкой; на рукѣ висѣла у нея корзинка для грибовъ, въ которой лежалъ ножъ и какіе-то припасы въ салфеткѣ. При взглядѣ на нее, Ермола выразилъ точно такое-же удивленіе и не могъ опомниться; открылъ ротъ, чтобы проговорить какое-то имя, и нерѣшался изъ боязни, подумавъ о незнакомомъ краѣ.

Незнакомка подалась шагъ назадъ.

— Вѣдь это старый Ермола? — сказала она.

— А! Такъ вы Горпина... то есть пани, хотѣлъ я сказать, — поправился старикъ.

— Что-же ты здѣсь дѣлаешь?

Бѣднякъ смѣшался и не зналъ, что отвѣчать съ испугу.

— Одинъ? — продолжала Горпина.

— Нѣтъ, пани, съ Родіономъ.

— Значить, ушли изъ Попельни? Рассказывай, что-же тамъ сдѣлалось?

Нечего было таиться предъ старинной знакомой, и Ермола сообщилъ всѣ подробности. Съ удивленіемъ и участіемъ слушала его Горпина, можетъ быть, и не совсѣмъ довольная прибытіемъ человѣка, знавшаго ея крестьянское происхожденіе, когда она выдавала себя за шляхтянку, но изъ природной доброты и давнишней привязанности къ мальчику не отказала ни въ совѣтѣ, ни въ помощи.

— Нечего уже думать сегодня о грибахъ, — сказала она, пойдѣмъ въ село. Мужъ мой здѣсь управляющимъ, есть у насъ порожня хата послѣ кузнеца, близехонько отъ двора, и мы приутимъ васъ.

Ермола бросился къ ногамъ Горпины, а потомъ началъ будить мальчика. Но Родіонъ всю ночь провелъ въ горячкѣ, и старикъ не слышалъ, какъ онъ бредилъ, ворочался и, несмотря на усилія Ермолы, не могъ теперь пробудиться; онъ и приподымался, но, не узнавъ Ермолы, снова падалъ на постель, жалуясь то на жаръ, то на холодъ.

Присмотрѣвшись ближе, нельзя было не узнать страшной болѣзни, и старикъ началъ ломать руки отъ отчаянія.

— Простудился, измучился, а, можетъ быть, и нездоровой воды напился потный, — сказала Горпина. — Это ничего, Богъ дастъ, пройдетъ.

— Но какъ-же его перенести въ деревню? Не лучше ли дать ему здѣсь немного оправиться.

— Конечно, не надо будить его, онъ переспитъ. Я пойду домой и пришлю вамъ поѣсть чего-нибудь, потому что иногда и голодъ тоже болѣзнь. Вытопи печь, затвори дверь, закутай мальчика и не трогай. Я пришлю ему лѣкарство.

Ермола снялъ съ себя сермягу, прикрылъ Родіона и сѣлъ возлѣ него, проливая слезы; а Горпина поспѣшила домой, потому что мальчикъ, котораго носила на рукахъ, возбуждалъ въ ней искреннее участіе.

Много времени прошло, пока прислали лѣкарство, супу, хлѣба, водки для Ермолы и мальчика въ помощь старику; но Родіонъ не просыпался, и невозможно было разбудить его, чтобъ помочь лѣкарствомъ. Лицо его пылало, глаза открывались на мгновеніе и свѣтились какимъ-то зловѣщимъ блескомъ, горячка, видимо, усиливалась.

Въ глухомъ лѣсу, средѣ шума старыхъ сосенъ, прошла послѣдняя сцена этой тихой деревенской драмы, можетъ, не вѣроятной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной.

На другой день пребыванія въ покинутой хатѣ лѣсничаго, Родіонъ открылъ глаза; онъ опомнился, улыбнулся Ермолѣ и утѣшилъ старика лучомъ надежды: но это былъ послѣдній, блескъ догоравшей лампы.

Мальчикъ началъ тихимъ голосомъ говорить о томъ, что собирался дѣлать, когда выздоровѣетъ и оправится; онъ обѣщалъ тотчасъ-же приняться за работу. Припомнилъ Попельню, Гулюка, казачиху, прежнюю жизнь, Малычки и грустное пребываніе свое у родителей, стараясь развлечь старика, который страдалъ, едва удерживая слезы.

Разговаривая, мальчикъ ослабѣвалъ постепенно; его клонило ко сну, потомъ впалъ въ бредъ, заплакалъ, бросаясь въ какомъ-то испугѣ съ постели... и такъ скончался на рукахъ Ермола, ухвативъ его руками за шею.

Долго еще держалъ Ермола охладѣвшій трупъ, прижавъ къ сердцу, не желая предавать его землѣ; онъ не говорилъ ни слова, а только плакалъ тихими, крупными слезами. Наконецъ, не скоро вырвался у него болѣзненный крикъ изъ груди:

— Дитя мое! Дитя мое!

И, схватившись за голову, старикъ выбѣжалъ безъ сознанія.

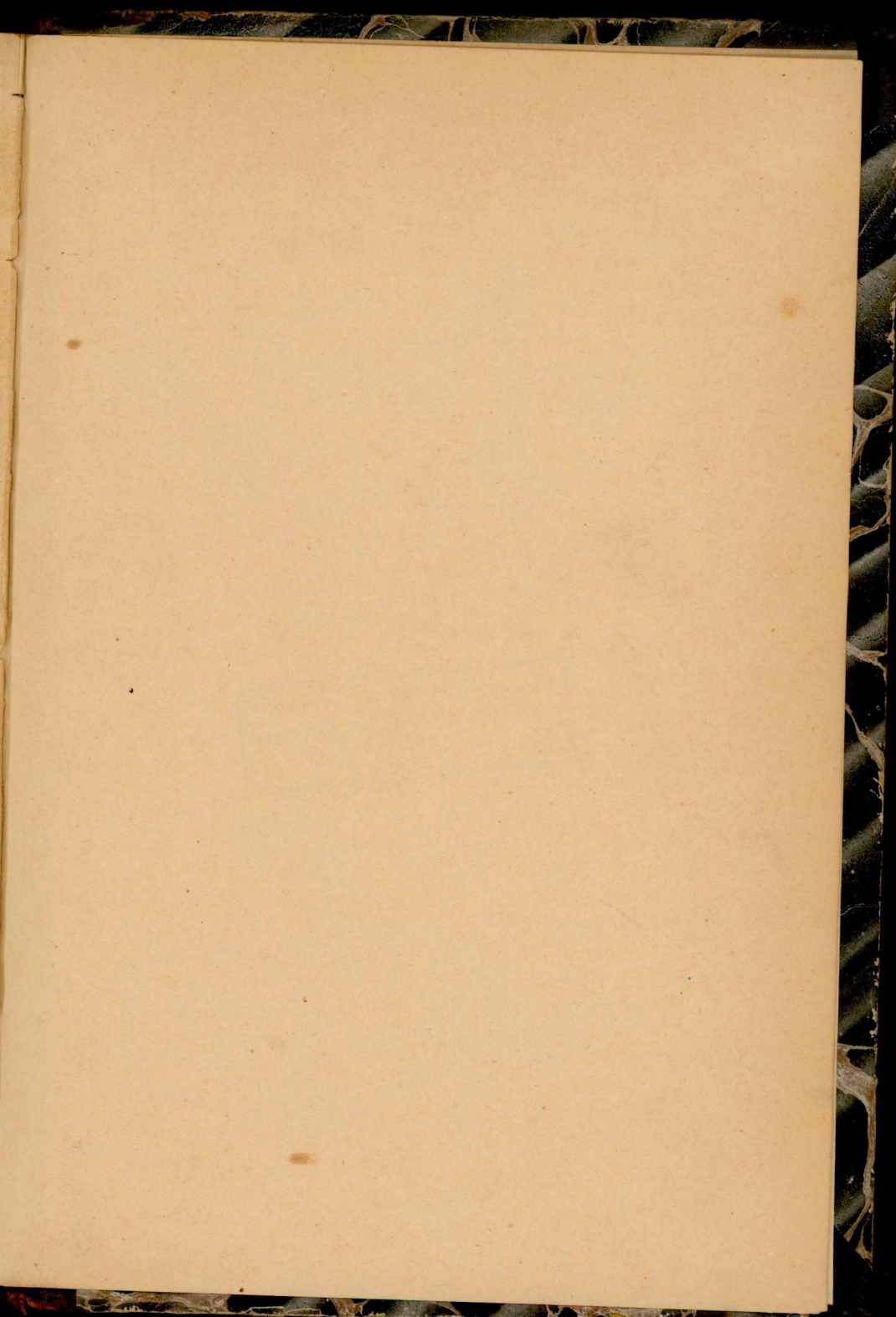
На городищенскомъ кладбищѣ находится могила Родіона, о которой народъ рассказываетъ дивныя вещи, переиначивъ истинное происшествіе. На ней нѣтъ даже креста, — но пышная растительность покрываетъ ее свѣжей зеленью. У близъ стоящей церкви втеченіи долгаго времени, сиживалъ дряхлый старичокъ, прозванный костянымъ дѣдушкой, потому, что дѣйствительно, въ немъ оставались едва-ли не однѣ кости.

Собираясь по воскресеньямъ, народъ подшучивалъ надъ нимъ: многимъ было смѣшно, что старикъ держалъ на рукахъ куклу, повитую, какъ дитя, прижималъ къ груди и убаюкивалъ ее колыбельной пѣсенкой на разные тоны, а по-временамъ и проливая слезы... Этимъ костянымъ дѣдушкой былъ добрый Ермола.

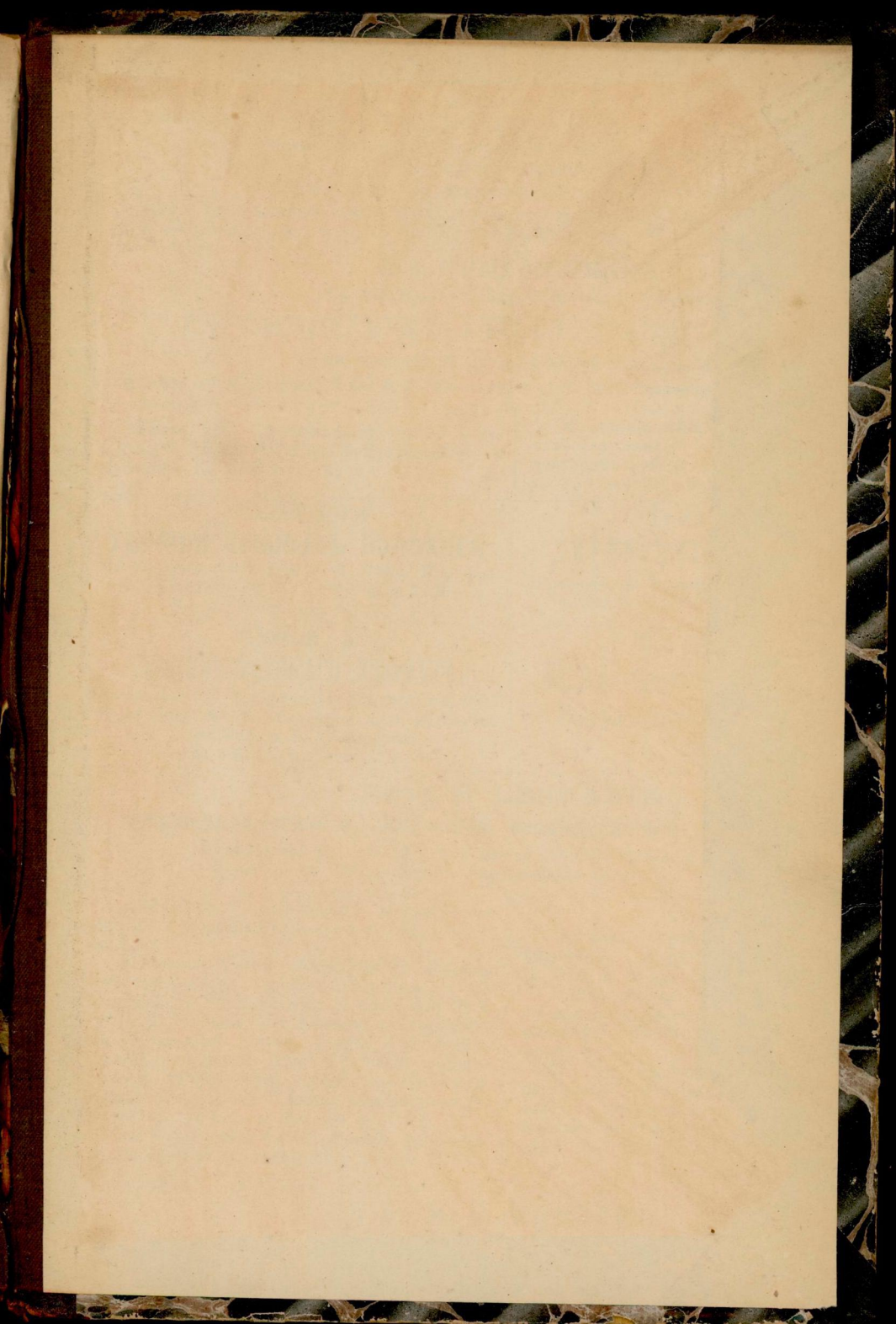

ЦЕНТРАЛЬНА
== НАУКОВО-УЧБОВА ==
БІБЛІОТЕКА.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00363299

0